

ВАРИАНТЫ

№ 1

Князь Андрей с беспокойным любопытством вместе с другими штабными ожидал выхода Савари от императора и известия о том, чем решено будет это свидание, когда Долгоруков, всегда быстрый, веселый, большими шагами почти пробежал мимо его. Он с ласковой [участливой] улыбкой обратился мимоходом к князю Андрею.

— Государь отказал,— сказал он по-французски,— мне поручено переговорить с Буонапарте, иду приодеться и сейчас едем. Подождите уезжать. Расскажите главнокомандующему.

Он пробежал в занимаемую им соседнюю избу. Через десять минут князь Андрей и все штабные видели, как верхами, на прекрасных лошадях, сопровождаемые русскою свитою кавалеристов, проехали по направлению к аванпостам Савари и Долгоруков в полной генерал-адъютантской форме. Они ехали шагом, тихо и дружелюбно разговаривая, как два хорошие знакомые, встретившиеся на гуляньи. Приезд Савари и известие о предложении мира Наполеоном еще более подняли дух и без того весело расположенной русской армии. Войска продолжали идти и прошли к вечеру 15 верст еще вперед Вишау. [Князь Андрей ехал с главной квартиры. Государь]. После обеда еще на походе вернулся князь Долгоруков, еще более оживленный и веселый, чем утром. И, как это всегда бывает, неизвестно какими путями разнеслась молва о подробностях его свидания с Буонапарте. Буонапарте встретил его на своих аванпостах, так рассказывал и князь Долгоруков, и, слезши с лошади, рядом с ним стал ходить взад и вперед по большой дороге. Он был не в мундире, а в широком, простом сером сюртуке, тогда еще не бывшем историческим. Князь Долгоруков рассказывал и повторял несколько раз, до какой степени поразило его отсутствие всякого царского величия в этом человеке.

— Правда, видно, что это умный человек, но не более того,— говорил князь Долгоруков,— умный, хитрый и злой мещанин в успехе, и больше ничего. Я понимаю, что с его маленькой, ничего не внушающей фигурой ему ничего не оставалось, как, подражая Фридриху Великому, пытаться сделать историческим этот серый сюртучок, который я сейчас на нем видел, но кажется, что нынешняя кампания положит конец истории серого сюртучка. Когда я подъехал к нему,— так говорили по крайней мере, что рассказывал князь Долгоруков,— он слез с лошади и, очевидно, не умел и не знал, на какой ноге танцевать со мною. Что его, очевидно, смутило больше всего, эта аффектация, с которой я избегал называть его государем или вашим величеством. Спросив о здоровье государя, что было тоже весьма неловко, он, заложив руки назад, стал ходить, не глядя на меня и ничего не говоря мне. Ежели он этой тактикой думал смутить меня, то это опять не удалось ему. Так как не мы, а он требовал свидания и имел что-то сказать нам, то я с совершенно спокойным духом, заложив точно так же, как он, руки за спину, мог ходить так до второго пришествия. Видя, что маневры его не удаются, он вдруг сердито поднял голову, устремив на меня свои пронизательные глаза, остановился и сказал:

№ 2

Маршалы Ланн, Мюрат, Султ с своими адъютантами стояли позади императора и смотрели по тому же направлению. Мюрат в своем странном, блестящем золотом и каменьями одеянии, белой, шитой золотом мантии, шляпе с страусовыми перьями и красных сапогах с золотыми кистями, сказал что-то Ланну, выдвинулся вперед и обратился к императору. [Он хотел сказать, что неприятельские колонны ушли]. Но, взглянув ближе на лицо Наполеона, он не посмел сказать того, что был намерен, того, что он и другие маршалы боялись, чтобы не было упущено время атаки.

Увидав ближе лицо Наполеона, он понял, что не должен сметь нарушать ход мыслей Наполеона, что всё, что бы он ни думал, он и все маршалы, — всё и еще многое и многое из того, чего никто не мог думать, было обдумываемо в это время императором. И что же можно было говорить этому человеку, 10 лет тому назад артиллерийскому поручику, подавившему страшную революцию, разбившему уже две коалиции, коронованному императором и королем Италии, в руке своей державшему 500-тысячную армию, два месяца тому назад чудесно перебросившему огромную армию с одного конца Европы на другой, уничтожившему ульмскую армию, теперь пославшему вызов двум могущественнейшим державам и теперь стоящему над ними, как над готовой жертвой.

И как можно было давать советы и высказывать свои мнения этому человеку, ежели это только был человек. Десятилетнее предание неслыханных успехов и торжеств уже освещало его. И нынче, в день своего коронования, что-то спокойно величественное и праздничное отражалось на его лице.

Два месяца тому назад он волшебным мановением перевел громаднейшую армию мира с берегов океана в средину Германии, месяц тому назад под Ульмом огромная самонадеянная армия, положив

№ 3

Еще не успело пройти впечатление первой войны с Наполеоном, как наступила вторая, кончившаяся Тильзитским миром.¹ В начале 1806-го и в 1807 году чувство вражды к какому-то Буонапарту, как его называли, уже глубже, чем в 1805-м году, проникало до сердца русского народа. Полмиллиона ратников, два набора в один год, проклятия врагу рода человеческого и антихристу Буонапарту, слышавшиеся во всех церквях, и слух о приближении его к русской границе не шутя заставлял ошетиниваться против него все сословия.

Ростов после несчастной дуэли, в которой он участвовал, повез раненого Долохова на его квартиру. Ростов знал Долохова по холостой жизни у цыган, на попойках, но никогда не думал о том, какой может быть дом у Долохова. Ежели был дом у Долохова, то, вероятно, это была, по предположениям Ростова, какая-нибудь закуренная, загрязненная комнатка с бутылками, трубками и собакой, в которой он держал свои чемоданы и почевал изредка. Но Долохов жил в собственном доме у Николы Явленного со старушкой матерью и двумя незамужними сестрами.

Во время переезда Долохов молчал, видимо, делая над собой усилия, чтобы не стонать, но перед домом, узнав Арбат, он приподнялся и взял за руку Ростова.

— Боже мой! Как я не подумал о ней, — сказал он. — Она не перенесет... — На лице его выразилось страстное, восторженное отчаяние, которого никак не ожидал от него Ростов. — Мать моя бесценная, обожаемая... Этот ангел не перенесет. Что я сделал? Брось меня.

Ростов поскакал на извозчике исполнять поручение. Ростов как бывший секунд-дант и как участник его несчастия не покидал раненого Долохова. Чем ближе он узна-

¹ На полях конспекты:

Дом Долохова сейчас после дуэли.

1) *Потом Pierre с масоном в Петербурге и уезжает за границу*

2) *Потом Денисов, вернувшийся, чтоб уезжать, и Долохов обыгрывает. Оба едут. Волшебница.*

3) *Pierre по деревням и с Андреем.*

4) *К М. А., старый князь, поездка к Ростовым.*

5) *Бартенштейн и Петербург Фридлянд и (1 прзб).*

6) *Тильзит. Борис и Nicolas.*

1) *Прием Pierre'a.*

2) *Конец отпуска. [Бал у Еголя] Денисов Дух любовный у Ростовых — обедают Несвицкий и Денисов, оба влюблены, бал у Еголя. Записка Долохова — игра у него и вечер с музыкой. — Денисов волшебницу, топчет пальцами. Борис был в Москве, не показывался у Ростовых. Анна Михайловна, (1 прзб) отказ. Долохов друг Nicolas.*

Pierre по деревням и у Андрея, [Тильзит] и больницы и Тильзит. Я (рад?). Андрей у Ростовых.

вал его, тем более он чувствовал себя к нему привязанным. Всё в нем было, начиная от его привычки лежать на полу и до его тщеславия своими дурными наклонностями и скрытностью в хороших,— всё было необыкновенно, не так, как у других людей, и всё было решительно и ясно.

№ 4

— Что я вижу,— радостно закричал [он] и бросился к своему другу.— Разумеется, у меня, нигде, как у меня.

— Да, как же ты с женой? — с улыбкой сказал Андрей.

Piëtte интересовался не вопросом, а тоном, которым он был сделан, звуком голоса, улыбкой и в особенности лучистым светом глаз. Он в мгновение, с чутьем любящей женщины, понял, что друг его другой человек, и ожил.

— Да, с женой,— отвечал Piëtte,— я вам объясню (всё?), с женой, и очень рад и спокоен, что с женой. Я расскажу, как это всё сделалось. Но как я рад! Ах, как я рад!¹ А я вот за работой,— начал он,— аббат... [ты не знаешь] вы не знаете² его, это удивительный человек. Я [тебя] вас с ним непременно познакомлю. Можете представить, это проект мира вечного. Он мне оставил. Много есть маниака, но мысль глубокая, я делаю отметки и увлекся, пишу целый traité³, ну да после. Ведь мы два года не видались. Помнишь паром... Что за прелесть была весна. Как вы, зачем вы! Как я рад.

Он говорил, что рад, и Андрей понимал, что друг его был рад не только видеть его, но видеть его [повеселевшим] ожившим. Он не только не скрывал этого, но, чтобы дать тон своего положения, тотчас же сказал ему:

— Зачем? Ты удивишься. Дела с тестем. Тебя посмотреть и отсюда в Крым. Я нездоров и очень нездоров.

— Что вы?

[Князь Андрей ехал в Крым] Приехав в Петербург в 1809⁴ году⁵, князь Андрей велел себя везти прямо [в дом Безухового (не собственный дом, но дом, занимаемый им на Мойке со времени женитьбы, из которого Piëtte, несмотря на дороговизну, не переехал и жил один). Подъехав] в дом Безухового, полагая, что ежели, как и надо предполагать, Piëtte не занимает один этот известный всему Петербургу огромный дом на Мойке, что, по крайней мере, там он узнает, где живет Piëtte. Въехав в ворота, он заметил, что дом обитаем, спросил «дома ли?», уверенный, что вопрос этот мог относиться только к Piëtte'у, так как [графиня была в Эрфурте, с тех пор приезжала в Петербург и опять уехала за границу] графиня, Андрей знал, жила отдельно и последнее время со всем двором жила в Эрфурте.

— Графиня выехали,— отвечал дворник.

— Так, стало быть, граф Петр Григорьевич⁶ не живет тут? — спросил князь Андрей.

— Они дома, пожалуйста.

Князь Андрей был так удивлен этим известием, что он едва удержался от выражения недоумения перед дворником [Он послал наверх слугу спросить, может ли остановиться тут, но сам пошел вслед за слугою. Дом был большой, половина Piëtte'а была наверху в низеньких комнатках. Он остановил слугу и вошел сам. Piëtte в выпущенной рубашке] и вслед за слугой пошел в комнаты Piëtte'а. Дом был большой, половина Piëtte'а была наверху в низеньких комнатках. Piëtte в выпущенной рубашке, с голыми, толстыми ногами в туфлях сидел за столом и писал. Низкая комната была завалена книгами и бумагами и накурена так, что днем было темно.

Piëtte, видимо, так был увлечен своим делом, что он долго

¹ На полях: вообще масонство.

² Так в автографе.

³ трактат.

⁴ Первоначально было: 1809, затем заменено: 1810 и снова восстановлено: 1809 (прим. составителя).

⁵ На полях: Андрей сочувствует Сперинскому, но слабость — кутейник. Не могу. Что хочешь — не могу. Это стыдно, но не (могу?). Князь Андрей 1810 расцветает весной после 4-х лет, как старый дуб, и едет [к Кутузову в армию] в Крым.

⁶ В автографе ошибка — надо: Петр Кириллович (прим. составителя).

№ 5

— Я не возражаю против конституционных форм, ответственности министров и т. п., но я возражаю против неполноты, произвольности и случайности этих преобразований.

Князь Андрей по письмам знал до малейших подробностей о том, что делалось Сперанским, [всей душой] и сочувствовал этим преобразованиям. Сперанский, которого он никогда не видал, представлялся ему чем-то вроде гражданского Наполеона. Он радовался его возвышению и из-за тех преобразований, которые делались, видел всю общую основную мысль этих преобразований. Он видел освобождение крестьян, палаты депутатов, гласность судов и ограничение монархической власти. В свою поездку в Петербург он обещал себе увидеть и узнать Сперанского и, ежели бы это нужно было, предложить ему свое содействие. Он понимал мысль Риегга, состоящую в том, что конституция не может быть даваема сверху, что такая конституция будет только внешняя и не привьется народу, но не соглашался с этой мыслью, доказывая, что управляющие народами люди могут предчувствовать потребности народа и, угадывая их, удовлетворять им.

— Так вы интересуетесь Сперанским,— говорил Риегге.— Вы знаете, что он масон, я через (жену?) могу вас свести с ним.

— Да, это замечательный человек,— говорил князь Андрей.

— Ах, вы знаете, [кто здесь и (очень)] а propos de Speransky¹ кто здесь? Ростовы. Они много говорили про вас,— сказал Риегге.

— Отчего же а propos de Speransky,— сказал Андрей, и к удивлению своему чувствуя, как он краснел при упоминании о Ростовых.

— Меня просили похлопотать через Сперанского о месте для старика Ростова,— отвечал Риегге,— но я боюсь, что этот добрый старик именно не такого сорта человек, которым протезирует Сперанский. Вы знаете, их дела очень плохи. Вы будете у них? [Неужели] [Ну, это (театры?)]

— Да, непременно. Так твоя записка...— сказал князь Андрей, желая переменить разговор. Но Риегге не всё еще сказал о Ростовых, и Андрей заметил, как особенно по-старому оживился Риегге, как скоро заговорил о них.

— [Но что вы скажете о маленькой Ростовой?] Славное, прекрасное семейство. Вы знаете, бывают минуты уныния, грусти. И мне стоит только поехать к ним, я оживаю. Маленькая какая прелесть! [Не правда ли?] Я помню ее почти ребенком. Вы знаете, что я никогда не был влюблен, но вот женщина, к которой я мог бы испытать это чувство.

Князя Андрея удивило, что Риегге чувствовал прелесть Наташи, так же как прежде удивляло Риегга тоже, что другие это чувствовали и, как казалось всем чувствующим, эту неопределимую прелесть. Но князь Андрей не хотел говорить с Риеггом о том, что еще в сомнении и тайне ворочалось в самой глубине его души.

№ 6

У Ростовых как в Москве, так и в Петербурге теперь был постоянно полон дом¹. Но, судя по обществу, которое застал у них Андрей, он сейчас увидал, что, хотя в Москве Ростовы не принадлежали к высшему кругу, здесь, в Петербурге, их общество было смешанное. Его это оскорбительно кольнуло, и еще более кольнуло то, что старая графиня, Вера и Берг и даже Nicolas чувствовали это. Только Наташа и старый граф не видали и не чувствовали это. [Если] Первые были рады ему как представителю высшего петербургского круга. А старик и дочь просто [всей душой] рады были ему, отраденскому знакомому. Князь Андрей всю жизнь потом помнил это свое посещение Ростовых и 1-й вход к ним. Вот как это было: [Пока они с Риеггом снимали шубы в передней, они слышали в зале звуки] В передней было особенно освещенно, так что лари и ливреи непривычно блестели, музыканты проносили инструменты. [Пока] Они снимали шубы, Риегге спросил у лакея, что такое.

¹ Кстати о Сперанском.

¹ На полях: Борис с тоном презрения. Это заметил Андрей. Как Наташа встретила Андрея. Как она была под влиянием похвал. Что же он не едет.

— Нынче бал.

— Вот как, да я и забыл,— сказал Piègre.— Ну, всё равно.

Андрей слышал в это время в зале по паркету стук носка и каблука женского и напевавший голос отрывочную одну фразу в просторном резонансе большой залы. «Какая другая, совсем другая есть жизнь, радостная, девичья, влюбленная, веселая,— как всегда подумал князь Андрей свои дубовые мысли при звуке одного голоса Наташи.— Люблю я это ребячество и молодость, это оживляет меня»,— подумал он.

— И прекрасно, напьемся чаю и уедем от бала,— сказал он.

— Да, да,— сказал Piègre,— и он вошел вперед.

Улыбающийся голосок встретил его [и князь Андрей по тону, с которым Наташа обратилась к Piègre'у, увидал, что это был друг, только друг, который]

— Нет, князь², непременно танцуйте,— начал голосок и вдруг замолк на середине. Наташа увидала князя Андрея и [покраснела] испуганно покраснела.

№ 7

Теперь в Петербурге Наташа на все дела семейные смотрела своим особенным манером¹. Что отец хотел служить и жаловался на дела, это, по ее понятиям, было всё глупости. Хорошо было, что приехали в Петербург, и это надо было продолжать, потому что в Петербурге было весело. Что Вера выходила за Берга, это было хорошо, потому что будут балы, и весело посмотреть, как женятся². Наташа не видала. Одно было нехорошо,— это то, что, по ее понятиям, родители не умели вести дома и сводить знакомства в высшем кругу. Всё, по ее понятиям, было не так. В передней помосковски сидел Фока и вязал чулок, а это не так надо было. Знакомые тоже были всякие, но одевались не так и тоже были не такие. Где она научилась этому, нельзя было сказать, но у Наташи было в высшей степени чутье на то, что называется *somme il faut*, и она, как муху в молоке, видела всякую мелочь, оскорблявшую ее чувства тщеславия и изящества. Платья она всегда заказывала сама, и даже мать одевала по-своему и всегда хорошо. С двух слов, с первого вида она отличала людей по свету, к которому они принадлежали, и предпочитала высших. Piègre'а она любила и как будто покровительствовала (такие у них установились отношения) за то, что он принадлежал к высшему кругу, [за то же] по той же причине она презирала Берга, не совсем довольна была своим братом за его гусарские манеры, давно отреклась от Денисова [и была ласкова, хоть и холодна к Борису]. По той же, вероятно, причине она после одного свидания с князем Андреем, которого она сейчас узнала за человека высшего света, решила, что он в ее вкусе и что она влюблена в него по гроб, как это обыкновенно делают барышни.

Любовь эту, вероятно, она выбрала [во-первых] потому, что надо быть 16-летней девочке влюбленной, что лучшего выбора ей не представилось, что он не обратил на нее внимания, так на зло же... [и] что, вероятно, он не женится, и что такая любовь есть известная опора, положение, при котором можно [«смело?】 ожидать [всего], бывши хорошо занятой. Но, выбрав себе эту любовь, мысли о ней, мысли о князе Андрее, испанские замки, строямые ею по случаю этой любви, она так привыкла, думая, что она влюблена, что напоминание о князе Андрее заставляло ее краснеть, что она мучалась тем, что не видала его, и что [она] все лучшие девические мечты ее о любви были всегда соединены с ним.

Ей было 16 лет, говорили, что она очень хороша, говорили, что она дурна, говорили, что она густая, что она кокетка, что она глупа, что она избалована, говорили, что она очень мила и добра, но все говорили, [что] когда слышали ее, что прелестнее голоса и пенья никто никогда не слышал, особенно, ежели его обработать, говорили многие, желая отчасти показать свои знания, а отчасти и оттого, что действительно, несмотря на учителей и на временные припадки страсти к пению, Наташа так и не обработала свой голос. Очень может, что от этого-то и действовали

² Так в автографе.

¹ На полях: *потому что можно проживать и в деревне. У меня философия и ку-панье.*

² На полях: *Борис и князь Андрей, предложения.*

на людей так обворожительно ее голос, удержавший всю непосредственную свежесть и страстность и неожиданность, но все говорили, что очень жалко, что она так мало занимается. Несмотря, однако, на все эти недостатки и на то, что дела графа были расстроены, Наташа говорила всем в Петербурге, что капитан Жомини, ездивший к ним в дом, был бы 16-тым ее женихом, ежели бы она захотела. И действительно, еще в деревне графине предлагали 3 партии для Наташи и в Петербурге сватались двое. Но Наташа так смеялась

№ 8

В ту же ночь, как Наташа [делала] беседовала так с своей матерью, Риегте, прошедший вечер у Ростовых, у которых он любил бывать, сам не зная почему, Риегте, поздно вернувшись домой, сидел один в своей низенькой комнате верхнего этажа [и писал. Он писал свой] с пером в руках над раскрытой тетрадью своего дневника. Он готовился записать нынешний день: «18 генваря,— читал он за месяц вперед,— 18 генваря встал поздно и, проснувшись, долго лежал на постели, предаваясь лени. Боже мой, помоги мне и укрепи меня, дабы я мог ходить по путям твоим. Потом пришел князь Урусов, беседовал о суетах мира. Рассказывал о новых предначертаниях государя. Я начал было осаждать, но всего (1 нрзб) о своих правилах и слова Благодетеля нашего, о том, что истинный масон должен быть усердным деятелем в государстве, когда требуется его участие, и спокойным созерцателем того, к чему он и призван. Потом разговор зашел о последнем бале Татьяны Борисовны и не мог воздержаться от рассказа о ее падении и о смешном приключении. Вспомнил только тогда, когда все громко смеялись, слушая рассказ мой. Язык мой — враг мой. Посетили меня братья S., B. и O. Была приготовительная беседа для принятия нового брата. Они возлагают на меня обязанности ритор¹. Чувствую себя слабым и недостойным. Потом зашла речь о объяснении семи столбов и ступеней храма. 7 наук, 7 добродетелей, 7 пороков, 7 даров [божиих] Святого духа. Брат O. был очень красноречив. Вечером совершилось принятие. Новое устройство помещения много содействовало великолепию зрелища. Принят был Борис Друбецкой. Я предлагал его, и я был оратором. Странное чувство волновало меня во всё время моего пребывания с ним одного в темной хранине². Я считаю этого человека преступным в отношении меня. Иногда я застаю в себе к нему чувство ненависти, которое я тщетно стремлюсь преодолеть. И потому-то я желал бы истинно спасти его от злого и ввести его на путь истины, но дурные мысли о нем не оставляли меня. Мне думалось, что его цель вступления в братство состояла только в желании сблизиться с важными и случайными людьми, которые находятся в нашей ложе. Кроме тех оснований, что он несколько раз спрашивал, не находится ли в нашей ложе NN и SS (на что я не мог ему ответить), кроме того, что он, по моим наблюдениям, не [вникал в] способен чувствовать уважения к нашему святому ордену и слишком занят и доволен своим [занимаемым положением] внешним человеческим, чтобы желать улучшения духовного, я не имел оснований сомневаться в нем, но он мне казался неискренним, и всё время, когда я стоял с ним tête à tête в темной хранине, мне казалось, что он презрительно улыбается на мои слова, и хотелось действительно уколоть его обнаженную грудь шпагой, которую я держал приставленною к ней. Я не могу быть красноречив и не мог искренно сообщить своего (сомнения?) братьям и Великому Мастеру. [Боже мой] Великий Архитектор природы, помоги мне находить истинные пути, выводящие из лабиринта лжи. — За обедом был неводержан, [объелся и опился] от одного блюда отказался, но опился. Так что встал из-за стола тяжелый и сонный».

После дневника 18 было пропущено 3 дня и под 21 было написано следующее: «[Адонай] Имел продолжительный и поучительный разговор в середине [с Благодетелем] с братом. Много, хотя и недостойному мне, было открыто. Адонай есть имя сотворившего мир. Элоим есть имя правящего всем, 3-е имя неизрекаемое, имеющее значение ВСЕГО. Беседы с [Благодетелем] А. подкрепляют, освежают и утверждают меня на пути [правды] добродетели. При нем нет места сомнению. Мне ясно

¹ Слово *ритора* написано по слову *оратора* (прим. составителя).

² На полях: *Писал с ужасом воспоминания, а там жена, и опять с ушами уходил в масонство, как собака в конуру?*

различие бедного учения наук общественных с нашим святым все обнимающим учением. Науки человеческие [убивают] всё подразделяют, чтобы понять, всё убивают, чтобы рассмотреть, [в святом учении] в святой науке. Ордена всё едино, всё [изучается] познается в своей совокупности и жизни Троицы. Три начала вещей — сера, меркурий и соль. Сера елейного и огненного свойства, она в соединении с солью огненностью своей возбуждает в ней алкание, посредством которого притягивает меркурий, схватывает и удерживает и совокупно производит отдельные тела. Меркурий есть жидкая и летучая духовная сущность — Христос, Дух Святой, [Бог] Он.

Все так же ленив и чревоугодник. Вспомнил о правиле воздержании в конце обеда, и было поздно. Смотрел на [княгиню Марью Дмитриевну] (Марью Михайловну?) <с> похотливыми мыслями. Господи, помоги мне.

22 января. Была мастерская товарищеская ложа. И описание страданий отца нашего Адонирама. Я слушал, и, как и в 1-й раз, когда познал это, на меня нашло сомнение. Был ли Адонирам, не есть ли это аллегория, имеющая свое значение? Объяснил брату О. свои сомнения. Он сказал мне, что должно терпеливо ждать открытия дальнейших тайнств, которые объяснят многое.

Нынче вечером провел у графини (у жены). Не могу преодолеть внутреннего отвращения к ней. Увлёкся беседой с NN о суетном и ничтожном и злобно трунил над сенаторами. Ужинал неумеренно

№ 9

а. Князь Андрей, однако, не выдерживая более этой нравственной боли, простился и вышел, обещая себе никогда не бывать у них и испытывая чувство виновности и стыда ¹. «Не то, не то», — говорил он себе и, невольно перебирая все свои прежние беседы с Сперанским, иначе начинал смотреть на него.

Возвратясь домой, он застал у себя Риегг'a, с которым он мало видался за это время.

— [Вы] Вас нигде не найдешь, — сказал Риегге. — Уж я сел, чтоб вас дожидаться. На что похоже, что мы с вами совсем не видимся.

— Я очень, очень рад, — сказал князь Андрей.

б. Князь Андрей, однако, не выдерживая более этой нравственной боли, простился и вышел, обещая себе никогда не бывать у них и испытывая чувство виновности и стыда. «Не то, не то», — говорил он себе и, невольно перебирая все свои прежние беседы с Сперанским, иначе начинал смотреть на него. Возвратясь домой, он застал у себя Риегг'a. Риегге, дожидаясь его, спал у него на кресле ².

в. Князь Андрей, однако, не выдерживая более этой нравственной боли, простился и вышел, обещая себе никогда не бывать у них, и испытывая чувство виновности и стыда. «Не то, не то», — говорил он себе и, невольно перебирая все свои прежние беседы с Сперанским, иначе начал смотреть на него. Своего этого нового взгляда на Сперанского князь Андрей не только не сообщал никому, но продолжал держать себя в обществе защитником и партизаном Сперанского, чувствуя в этом с своей стороны особенную заслугу. Проект его о военном уставе был не принят, и делать князю Андрею в Петербурге было нечего, но он оставался, продолжая ездить в свет, как будто чего-то ожидая. В последнее время он чаще прежнего стал видаться с Риеггом и несколько раз был с ним в ложе.

№ 10

а. 28 января.

б. Теперь было 28 декабря ¹, и Риегге ничего не писал с 25. Прочтя всё, он задумался и, потеряв лоб, стал писать.

¹ На полях: *Князя Андрея поражает, как одни других ругают. Вся эта запись подчеркнута и обведена кружком (прим. составителя).*

² На полях: *Риегге примирился с женой. Благодетель. Его спокойствие, введение в ложу Бориса. 4 сорта масонов.*

¹ Путаница в датах вызвана тем, что место всего текста о Пьере и его дневниковых записей Толстой несколько раз менял. В автографе слово *декабря* написано по слову *января* (прим. составителя).

«Ни раза не был в ложе. Два² раза был у Ростовых и вместо трудов самопознания и воздвижения внутреннего храма, предавался наслаждениям суеты. [Господи, Великий Архитектор вселенной] Я был весел и смешил и веселил всё общество у Ростовых, как вырвавшийся школьник. Всё только затем, чтобы видеть и слышать смех Наташи. Я гибну. Мало мне было ударов, что я хочу навлекать на себя новые. Господи, помоги мне, научи меня ходить по стезе твоей и помнить, что радости этой жизни — эта жизнь не для радостей, а для приготовления себя к смерти. Научи меня любить смерть, а не радости. Сделай мне горе из моих радостей. Силы мои слабы. Где искать масонства в костях?»

Дописав это, Pierre лег, но не думал о костях, а читал стихи о «la mélancolique Natalie»³, которые он экспромтом написал в альбом Наташе, и как она смеялась, читая их.

в. «29 ноября. Великая мысль пришла мне. Я должен ясно определить цели ордена, как я понимаю его. Целый день писал и изготавил речь, которую прочту завтра. Масонство имеет переродить род человеческий».

№ 11

— Разве ты найдешь людей? Ты говоришь, что на тебя напали. Так и должно быть, потому что, будь они чиновники, министры, масоны, — они люди, а из людей на тысячи приходится один человек, настоящий человек, сам по себе думающий и чувствующий. Другие — толпа, les moutons de Panurge¹. И что ты ни делай, будет царствовать посредственность, те, которые немножко умнее толпы, те, которые только настолько умнее, что понимают друг друга.

Pierre видел, что друг его совсем иначе, ближе к своим интересам понимал вопрос.

— Зачем царствовать? — сказал он. — Царствовать должны одна истина и добродетель.

— Да, но ты хочешь организовать ее, чтобы править. А разве не то же наши правительства? Разве они организованы для того, чтобы царствовало зло? Напротив, они хотят и любят добродетель и правду, но из них организовано правительство, и они любят добро, а делают зло. Кто же царствует? Сперанский, [который умнее всех, но только не] Аракчеев.

Разговор совсем отклонился от своего начала, Pierre невольно последовал за направлением, которое дал ему князь Андрей.

— Сперанский! — сказал он, — но вы сами считали его гениальным и великим человеком.

— Encore une illusion de moi, mon cher², — сказал с улыбкой князь Андрей. — Сперанский — это выслужившийся кутейник, немножко, на волосок умнее толпы.

— Mon cher! — с упреком сказал Pierre. — Esprit de caste...³

— Нет, не esprit de caste. А я узнал его. Я никому не говорил и не буду говорить этого. Всё лучше он, чем Аракчеев. Но Сперанский [это человек, который делает только то, что нужно] не мой герой. Одно, моя душа. Для того чтобы иметь силу, надо быть покорной частью одного целого, надо отказаться от своей самостоятельности, а я этого не могу и не хочу. Лучше я буду один, ничтожество для других, но для себя я буду что-нибудь.

— Одно не понимаю, — заговорил Pierre, — как вы можете быть холодным братом? Ежели бы вы знали то чувство успокоения, возрождения, которое испытываешь в нашем святом братстве. Вы говорите: невозможно. Отчего? Пускай толпа (хотя я не того низкого мнения о людях, как вы), но толпа руководится людьми: почему же не руководить их к добру, а не к суете, как вы говорите? Мы ничего не сделаем? А воспитанье детей, а книги, а пример, а помощь? Что же вы не служите теперь?

² В автографе *Два* написано по слову *Три* (прим. составителя).

³ «меланхолической Натали»

¹ Панургово стадо

² Одной иллюзией меньше, мой милый.

³ Но, мой милый, кастовый дух...

— Нет, я подал в отставку и на днях еду. Не знаю еще, домой или за границу... Я очень доволен. Мне казалось [теперь] из деревни, что я нужен тут, что что-то важное делается. Но теперь я успокоился. Ничего нет важного, кроме своей жизни. И моя жизнь в деревне так хороша, что мне ничего не нужно.

№ 12

Князь Андрей вошел и увидал замирающую от радостного волнения Наташу. Он прошел с ней первый круг. Струя поэзии и молодости налетела на князя Андрея и охватила его, на него нашел страх, когда он обнял ее тонкий стан. Быстрая, поворотливая (*1 нрзб*), счастливая, задыхающаяся девочка, голая, маленькая с блестящими испуганными глазами была окружена и Борисом, и Анатолем, и (З.) — все ловили, искали ее. Одна минута — и она погибнет для него, а она его, наверное его, не может быть иначе. [Он не отходил от] Она краснела, встречая его взгляд. А он не покидал ее ни минуты. Он танцевал с ней два котильона и мазурку. Он повел ее ужинать и когда снял перчатки, эти сухие, белые, пахучие руки, и отец подошел: «О как весело! Никогда так не было весело!» На этом же бале участь Риегг'a и его жены. Его делают камергером. С бала они поехали к Риегг'у и сели за вино.

Андрей: — Всё вздор, душа моя, всё вздор! — Он, как мальчишка, вскакивает и целует.

— Женись.

— Да, женюсь.

Риегге на другое утро рассказал то, что знал [о Борисе. Князь Андрей], Наташе, рассказал Наташе, и приехал к Андрею рассказал.

— Что ты сделал! — Андрей забесился. Однако он поехал проститься, признал свое намерение и уехал за границу.

№ 13

На другой день князь Андрей помолоделый, улыбаясь всему и особенно заботам житейским, начал новую жизнь. Ему рассказывали про торжественность и значительность заседания Совета. Государь прямо назвал сенат и совет сословиями, — он сказал, что правление должно опираться на твердые основы. «Зачем? Что такое это говорят?» — спрашивал себя князь Андрей. Он видел в своем месте присутствия товарищей над работой. Он слышал споры, упреки. «Зачем? Что всё это значит? Они не знают всего, не знают», — думал он. С кроткой победительной радостью он смотрел на всех и на свет божий¹. Он поехал к Ростовым. Что-то говорили, что-то хлопотали там тоже все остальные люди, и старый граф, и графиня. [Но она одна понимала всё] Она была в другом платье и другой прическе. Сначала это удивило князя Андрея, как будто он ждал найти ее такую же, как вчера, в бальном платье. Но когда она, покрасневшись, вышла к нему и, как всегда, близко, близко, решительно подошла к нему и остановилась, смешавшись, как будто ей неловко было так только подойти к нему, не обняв его². Он оглянул ее в этом синем платье и [понял] позабыл, какою она была вчера. Она всегда такая была. Кроме ее, ничего не было. Все где-то там что-то шумели, говорили и притворялись, что они тоже живут сами по себе, тогда как они знали, что, кроме ее — такою, какою она была в сердце князя Андрея, ничего не было. [Во время] Перед обедом она стояла в дверях и смотрела на князя Андрея. Граф вел под руку старую даму и за тоненькую руку отстранил, хотя и нежно, но отстранил Наташу. [«Верно?»]

«Он это нарочно сделал, — подумал князь Андрей, — чтоб показать, что и кроме ее есть люди, но всё-таки она осталась одна». Она, смеясь, отбежала, и князь Андрей подал ей руку. За обедом она протянула руку к графине, и князь Андрей [удивился] ждал, что сам графиня вскочит в её руку. Она была необыкновенно хороша, не только для князя Андрея, но и для всех. Вчерашний успех и нынешнее посещение князя Андрея делали ее счастливой. Всё ей было ловко, всё ясно, всё просто, все добры, все

¹ На полях: Андрей находит ее вместо в глупой семье. Всё милое, и москвичи лучше петербуржцев. Он видит ее на бале [на вечере, в театре].

² В автографе ошибочно: *ее* (прим. составителя).

прекрасны. [Поздно вечером князь Андрей уехал домой, на другой, на третий день он был опять у Ростовых. На 3-й день] После обеда она пела. Пела, как и всегда, забывая себя и всех для своего пенья. Князь Андрей был счастлив, был влюблен, знал, что она его [любила] могла любить, знал, что ему отдадут ее, но, слушая ее пенье, он должен был отойти от клавикирд, чтобы подавить рыдания и скрыть слезы, выступившие ему на глаза.

Ему решительно не об чем было плакать, но он плакал и что-то грустное представлялось ему.

№ 14

а. Вечеру он поехал к Pierr'у. Этот, хотя приблизительно, знал то, что знал князь Андрей и что так изменяло весь мир божий. Pierr'a не было дома. «Вероятно, в ложе», — как предположил князь Андрей. Болконский лег на его диван и задремал, к 12-му часу, когда Pierre, везя с собой фартук Великого Мастера и молот, вернулся. Pierre не знал и не заметил, что у него был князь Андрей. Он бросил книги и вещи на стол и повалился в кресло. [«Где искать масонства? В костях? — проговорил он, ковыряя упорно в носу и морщась. — Кем вынута эта соль и сера? Как стать в центре квадрата?..» Потом он встал и долго, упорно стал смотреть в зеркало] [Андрей неохотно, встав, нагнувшись на] [Андрей] [и, неохотно встав, нагнувшись над] Достал тетрадь и стал писать. Пописав, он встал, посмотрелся долго в зеркало, придав себе торжественный вид и стал говорить: «Любезные братья, наше собрание...» Андрей проснулся от звука его голоса и проснулся, как это часто бывает после коротких дневных снов, в духе 13-летнего мальчика.

— Pierre, милый мой Pierre, — сказал он с нежностью женщины в голосе, — Pierre, душа моя, [Я (влюблен)] поди сюда, сядь, я тебя ждал, — говорил он с той бессознательностью пробуждения, которая заставляет иногда нас так чисто и просто смотреть на свет, — Pierre, душа моя, — говорил он, приподнимаясь и обнимая удивленного Pierr'a. — Я влюблен, я счастлив. Я ожил. Я другой человек. Толстый, милый, мне некому, кроме тебя, сказать этого. Ну, слушай, — продолжал он, — ты знаешь Наташу Ростову, я люблю ее, как никогда никого не любил...

Pierre улыбался и был счастлив счастьем своего друга, и не вследствие слов, а вследствие непосредственного влияния духа Андрея на себя он был счастлив.

— Вот как! Поздравляю.

Но в ту же минуту, как он понял то, что говорил ему Андрей, болезненно-злое чувство зависти и сожаления к себе сжало доброе сердце Pierr'a. Всё, что он делал нынче вечером, все стук молотком и речи над мертвой головой под сияющей звездой об отце Адонираме [так вдруг (показалось?)] в соединении с тем [миром] чуждым, грязным миром жены, с которым он был неразрывно связан, так вдруг убийственно грустны представились ему. Он шумно и громко поздравил Андрея и расспрашивал его, но в словах его не было душевности. Злое чувство зависти мучало его. Князь Андрей не замечал этого. Он рассказал Pierr'у, как он неизбежно любит ее, как он не может поступить иначе, как на днях сделать предложение, и о том, как он счастлив. До раннего утра они проговорили, и когда князь Андрей вышел из комнаты, Пьер почувствовал, что вот был сейчас в этой комнате один живой, вполне живущий человек, а теперь остался он, один труп, беспокойный, обязанный двигаться, безжизненный труп. Он вздохнул, задумался и, не разрешив всех мучавших его сомнений, быстро заснул. На другой день он встал с сознанием совершенного преступления. Он не знал, в чем состояло это преступление, но он знал, что с другим его и с милой ему девушкой Ростовой совершилось большое счастье, которому он рад и которому он должен как можно скорее выказать свою радость.

Он поехал обедать к Ростовым. Он, как и всегда, был [«необычайно?)] чрезвычайно весел и любезен и особенно осторожен, бережен в обращении с Наташей. Он обходился с ней, как с человеком, с которым случилось несчастье и который еще его не знает. Вечером он взял ее альбом с тем, чтобы мочь говорить с ней наедине.

Нагнувшись над альбомом, как будто собираясь писать, он вдруг обратился к ней, глядя через очки и нежно, действительно нежно. Он в эту минуту, видя ее, [не (завидовал)] больше любил ее, чем завидовал.

— Мы старые друзья,— сказал он.— Я знаю и желаю быть первым, поздравить вас. Это мой лучший друг и лучший человек из всех, кого я знаю.

Наташа радостно, но всё еще вопросительно смотрела на него. Ежели она ошибалась и не так его понимала, то она желала еще и еще так ошибаться. [Кто] [Он]

— Ежели этот человек любит, то на любви его можно строить свою жизнь смело. Я рад, что мой лучший друг женщина,— он галантно поцеловал ее руку,— будет женою моего лучшего друга.

Наташа, вся красная, задыхаясь, отдала ему свою руку, хотела сказать: «Кто — он?», но не могла выговорить.

— Я никогда не думал, чтоб André был так молод и чтоб такие сокровища любви были в нем. Когда вчера он всё рассказал мне...

Наташа уже не слушала: она медленно повернулась, сама не зная, что она делает, и вышла из комнаты. Только что она зашла за дверь, она побежала к себе, села на кресла и закрыла лицо руками.

Pierre уехал с успокоенным чувством человека, сделавшего доброе и честное дело. Наташа взволнованная

б. В этот же день он встретил на Невском Сперанского с его видом вне мира сего. Сперанский низко снял ему шляпу. [Князю Андрею смешно стало] Князь Андрей старался скрыть свою улыбку. Он шел к Pierr'y.

в. Вечером он поехал к Pierr'y. У Pierr'a было свое горе. На том же бале Нарышкиных высокое лицо обратило внимание на Hélène. Hélène не считала нужным уже скрывать свои связи с этим лицом и сама объявила Pierr'y, что он жалуется званием камергера. Pierre вспылал и окончательно разорвал связь с женою. Он ехал в Москву. Андрей рассказал ему всю свою любовь и все сомнения, вызванные разговором с Верой. Вопрос был в том: он желал знать, любит ли она его или любит Бориса. Он боялся потерять ее. И вместе с тем боялся увлечь ее, когда она еще не знала, любит ли она его, и пока он не знал, даст ли старик отец свое согласие, против которого князь Андрей не хотел действовать. [Надо было] Pierre нашел утешение в заботах своего друга от горя своего собственного. Надо было условно (сделать?).

г. Он встретился с Pierr'ом.

— Ну что, я слышал, вы были у Ростовых? — Андрей улыбнулся. — Знаешь, что я тебе скажу. Я чувствую, что могу влюбиться.

— И прекрасно, женитесь,— с особенным жаром, удивившим князя Андрея, заговорил Pierre.— Это редкая девушка.

— Легко сказать! Во-первых, я стар,— испытывая, сказал князь Андрей.

— Какой вздор!

— Ну даже, ежели бы я думал... Quoique je suis à 100 lieus de mariage¹. Отец, он мне сказал раз, что одно, что могло бы еще огорчить и удивить его, это чтоб я женился.

— Вздор! — кричал Pierre,— поручите мне, я вам устрою всё. Женитесь, женитесь! В Петербурге нет подобной девушки.

Слова Pierr'a сильно действовали на Андрея. Он решил обдумать, испытать себя и 4 дня не бывать у Ростовых.

№ 15

Во 2-м часу он приехал к себе и к ужасу своему увидал опять перед собою весь тот сложный, живой мир борьбы, сомнений, неправды, тщеты, который [еще] мрачнее в 1000 раз, чем [до «бала»] прежде, опять представился ему. Только на короткое время, на крыльях любви вылетел он из этого мира. Всё было ясно, просто, легко, счастливо и душевно¹. Теперь опять всё было тяжело, запутано и, главное, я сам, я с своими особенностями, воспоминаниями, которые были забыты, опять стоял один перед самим собою с своими отвратительно-прискучившими, мрачными чертами.— В первый раз после пяти дней он едва лег в постель, как крепко и беспробудно заснул до другого утра.

¹ Хотя я за 100 верст от женитьбы.

¹ На полях: Тем более я женюсь на ней. Он поехал с решением объяснить свою любовь и поехать за границу. Он с ней, как с ребенком.

На другое утро он [поехал] написал все свои запущенные письма, сделал распоряжения по имениям, тоже запущенные, разобрал свои бумаги и перечел начатые работы, потом пошел к Сперанскому и объявил ему, что он не отказывается, а желает работы и такой, которая бы отвлекла его от Петербурга. Сперанский предложил ему место губернатора в Тираспольской области, присоединенной к России по Тильзитскому миру, заведывание которой поручено было Сперанскому и в которой происходили величайшие беспорядки. Через неделю, во время которой князь Андрей нигде не был и не принимал никого, усердно работая, он поехал делать прощальные визиты.

На списке визитов, составленных им, не было Ростовых, но, проезжая по Фонтанке мимо дома, в котором они жили, он велел кучеру остановиться у их подъезда. «Благодарю судьбу, которая

№ 16

а. Но, несмотря на то, он еще твердо верил, что он уедет отсюда столь же свободным, как он и приехал. Глаза их встретились, и в обоих было выражение упрека и сожаления. Он первый опустил глаза и попытался сделать равнодушные.

— Вы давно не видали сестру? — начал он.

Она перебила его.

— Вы едете? — спросила она его спокойным, но дрожащим от страха и волнения голосом.

Он опять взглянул на нее, и [строго] серьезная страстность ее выражения испугала его, как неожиданность. Он хотел не смотреть на нее, но такое новое счастье любви обхватило его, что он не мог этого сделать. Он забыл, что она делала ему вопрос, и не отвечал ей.

— Вы совсем едете? — повторила она.

— Года на два, я думаю...

— Ну да, навсегда. А я, — сказала Наташа, — а я дум... — она не договорила, встала и [присела] остановилась перед ним, опять в том же положении, в котором она встретила его после бала. Так близко от него, так [свободно] робко и преданно, с опущенными прямо руками и [счастливым] нежным взглядом, устремленным на него, как будто она говорила: «Что ж, возьми меня. Вот она я». Но она не только не сказала этого. Она опять не дала ему выговорить того, что он хотел.

— Прощайте, — сказала она [и почти]. Он поцеловал ее руку. Она, быстро повернувшись, пошла из комнаты.

«Нет, это невозможно ...», — сказал себе князь Андрей и побежал за ней. Но не успел он еще сделать двух шагов, как она, не слышав его, остановилась у двери, повернулась к нему и встретила его.

— Нет, нет, нет, — капризно перебивая его, заговорила она, чтобы не слышать, что он скажет.

— Безухов сказал мне, что вы, что вы... Что вы ему сказали про меня? Правда ли это? Мне надо это знать. — Наташа не смотрела на князя Андрея, и чем больше оскорблена была ее гордость, что она говорила это, тем более вид ее был гордый и презрительный.

Князь Андрей не думал ничего о своих прежних решениях, не знал, что он говорит. Он чувствовал себя новым и счастливым.

— Да. Хотите вы быть моей женой? — сказал он, подходя к ней еще ближе и взяв ее руку.

Наташа не могла отвечать. Внутренняя работа, происшедшая в ней, измучала ее. Она громко вздохнула, другой раз, чаще и чаще и зарыдала. Она ничего не могла выговорить. «Ну так что же?» — говорили ее глаза, с детской нежностью смотревшие в лицо князя Андрея. Она села. Князь Андрей взял ее тонкую, худую руку и [поцеловал] прижал к губам.

— Да? — сказал он, улыбаясь.

Она улыбнулась тоже сквозь слезы, нагнулась над его головой, подумала секунду, как будто спрашивая себя, можно ли это, и поцеловала его.

— А как я боялась, что вы уедете, — сказала она.

— Я все-таки уеду, — сказал князь Андрей, глядя на нее и успокоивая ее этим

взглядом. И он долго и нежно говорил с ней, стараясь убедить ее в неизбежности его отъезда и отсрочки свадьбы на 1½ года. Он говорил ей о том, что он принял служебное назначение и не может не исполнить его, о том, что ему [приятнее], хотя и не нужно, но приятнее было бы получить согласие отца, о том, что она молода, очень молода еще. Он не говорил еще об одной важнейшей причине отсрочки. В ту минуту, как он говорил с ней, образ маленькой княгини с своими простыми, жалкими словами представлялся ему. Она слушала его, и из всего, что он говорил, она понимала только то, что она, девочка Наташа, такой ребенок, недавно обиженная Марьей Эмильевой, гувернанткой, над которой Nicolas смеялся, когда она рассуждала, с ней, с этой девочкой, советуется, говорит, как с равной, как с высшей, сообщает ей все свои душевнейшие мысли, кто же: князь Андрей, такой умный, такой рыцарь, такой большой, такой милый человек.

— Рјеге — сплетник, которому от меня достанется, — говорил князь Андрей, — он сказал правду, но он заставил меня сказать вам эту правду теперь, а не через 1½ года. Не сердитесь на меня, мой друг, — говорил он, — но вы молоды, вы (страстны?), я стар, я вдовец, у меня сын, я бы не желал связывать вас. Ежели через 1½ года вы будете еще любить меня, о, я буду счастливейший человек назвать вас своей женой, но ежели вы полюбите другого, более достойного, — напишите мне. И я вас не связываю...

— Никогда, никогда, какие глупости!

— Я всё это говорю к тому, что я не желал бы, чтобы всё, что было сказано между нами, было известно до 1½ года, как я и намерен был сделать. Пишите мне, и я буду писать вам.

— Только мамá я скажу, да? — сказала Наташа. — Мне всё равно, будут ли знать это или не будут.

— Скажите папан, но это моя фантазия, чтобы до тех пор, пока я буду в состоянии назвать вас своей женой, это бы было тайной, прощайте, — сказал Андрей, — я приеду обедать и завтра еще буду у вас.

Наташа встала, проводила его и ждала, что он обнимет ее. Как бы она прижалась теперь к нему, как она страстно любила его в эту минуту. Но он учтиво поцеловал ее руку и вышел. На другой день он еще раз обедал и, вечером простившись, на 1½ года уехал.

В доме и в обществе предполагали многое, но только одна графиня и Наташа знали тайну предложения Андрея.

б. — Вы знаете, зачем я приехал? — спросил он.

— Зачем вы спрашиваете? — И как только она сказала «да», князь Андрей почувствовал, что она принадлежит ему, что некуда было торопиться, что [лучше] страшно ошибиться и лучше еще не связывать себя.

— [Я люблю вас. Но я боюсь, ни вы] Вы знаете, что я чувствую, но я боюсь сказать это вам, потому что боюсь, что ни вы, ни я не свободны.

Он взглянул на нее, и серьезная страстность ее выражения испугала его, как неожиданность. Он хотел не смотреть на нее, но такое новое счастье любви обхватило его, что он не мог этого сделать.

— Нет, зачем вы это говорите? Нет, говорите, ну что еще, что?

— Не связаны вы ничем с вашим cousin? — Лицо князя Андрея сделалось строго и зло, когда он сказал это.

Наташа покраснела.

— Нет, теперь нет. Да я никогда не любила его так, как...

Князь Андрей улыбнулся и поцеловал ее руку. Она смотрела на него, как будто говоря: «Только-то».

— Вы не связаны — так, — продолжал он, — но это было так недавно. Вы сами не знаете себя.

— Нет, я знаю... Но отчего вы не свободны? — Наташа сказала это, и ей самой стало страшно, как она могла сказать это.

— Я? Я, во-первых, стар, и болен, и вдовец. Но, положим, вы захотите взять таким, как я есть, у меня есть отец, который стар и который я хочу, чтобы любил вас так же, как и я. Хотите вы?

— Да, да, — говорила Наташа, ожидая поцелуя, но он только поцеловал ее руку.

№ 17

и в минуту печали мы только должны просить его, чтобы он открыл нам те пути, вследствие которых кажущееся нам несчастье делается благом, и тем бы облегчал нам нашу печаль.

Наша семейная жизнь идет по-старому, маленький Коко составляет всю мою радость. Он уже читает, учится хорошо, несмотря на то, что я такая дурная учительница, и действительно, умнее и милее этого ребенка ничего нельзя себе представить. [Мой] Отец, который, как вы знаете, строг сам к себе и боится внешних проявлений чувств, обожает этого мальчика и совсем изменяется в его присутствии. Семейная жизнь наша изменилась к худшему только в том отношении, что нездоровье моего отца становится с каждым днем все сильнее и он, несмотря на наши просьбы, до сих пор не хотел согласиться переехать в Москву для постоянного лечения. Главное, вред ему сделала два года тому назад его служба по ополчению. Он, несмотря на свои 73 года, так молод душою и горяч, так удивляется как бы неожиданному всякой подлости в людях, что все гадости, что все низости, обманы и воровства, которые делались по ополчению, которые он не мог искоренить и которые ввели его в неприятные столкновения, положили начало его теперешних недугов, чрезвычайной раздражительности, которую он, несмотря на силу своей воли, не всегда может преодолеть и по своему чувству справедливости страдает от нее больше всего сам.

№ 18

После Фридландского сражения, Денисовского госпиталя и Тильзитского свидания Nicolas вступил в тот неизбежный для каждого молодого человека период развития, в котором, разочаровавшись в каком-нибудь одном своем мечтании, молодой человек прикладывает этот процесс разочарования ко всем, еще и не испытанным, сторонам жизни и делается разочарованным, *blase*¹, в отношении всего на свете и устремляет свое внимание только на ближайшие и простейшие радости жизни. После Байрона положение разочарования [сделалось чем-то (вроде)], выраженное как назначение человека, сделалось модой, но всегда оно было и будет естественной ступенью в жизни человека. Разочаровавшись в возможности геройства в войне, в возможности воевать, не страдая и не унижаясь, разочаровавшись даже в разумности причин войны, Nicolas разочаровался заодно и в дружбе, и в любви, и во всем, чего еще не успел испытать он. Он жил в полку, наслаждаясь обязательной военной праздностью и забавляясь простейшими радостями жизни, веселыми попойками с товарищами, которые любили и даже начинали уважать его, хорошими песенниками, лихими тройками, блестящими парадерами и веселыми, приятными женщинами, от которых он ничего не ожидал и не желал, кроме удовольствия. Он жил в своем полку и эскадроне, которым он уже командовал, испытывая то же наслаждение ясности и ограниченности интересов, которые испытывает монах, удалившийся от всей сложности и запутанности мирских отношений в свою келью и монастырь с его несложными интересами. Как черепаха, запрятавшаяся в свою скорлупу, сидит и монах в своем монастыре, и офицер в своем эскадроне, предоставляя свету идти помимо его, волноваться, искать, враждовать и распутываться, как он сам знает. Утро — к заутрене или на ученье, отец Никандр пожалован в мантию, Соколов получил Анну, вечером — всенощная, на послушанье, к адъютанту на жженку, а как там Сперанский и дела с Австрией, — им дела нет. Они оба знают, что, исполняя эти свои несложные дела в своем мире, они делают дела. Точно так же для тех и для других времени как будто не существует, потому что оно ничем не занято, и точно так же в обоих сословиях долго не стареются.

Самый дальний горизонт жизни для Ростова составляла бригада, товарищи, уланы и панна Пшиздецка, у которой бывали [часто] гусары и предпочитались уланам.

¹ пресыщенным

№ 19

Третьего дня было счастливое поле, в котором Nicolas в Соповом и Кипарисной вершине затравил 3-х лисиц на одной перемычке, в полях затравил 17 русаков и в лоск, как говорили охотники, уложил лошадей, собак, борзых и гончих, которые лихо вывели в поле матерую лисицу и, пообеда два круга верст в 20, в бурьянах под мельницей словили ее. Наташа участвовала в этой охоте, одна из первых на своей пристяжной Белогубке подскакала к словленной гончими лисице и возвращалась не только счастливая и усталая, но довольная собою и ничего в мире не желающая, как может быть доволен человек, совершивший величайший подвиг мира, долженствующий предать его имя бессмертию.

Nicolas, притворяясь совершенно равнодушным к радостям нынешнего дня (Nicolas, как и все охотники, считал великой заслугой и необходимым притворяться, что какое бы великое счастье он ни испытывал на охоте, что всё это ему очень обыкновенно, и что радоваться над тем, что случилось, не следует, а нужно думать только о том, как бы еще большие подвиги совершить в будущем), Nicolas объявил, что теперь он 3 дни даст отдыхать собакам и, хоть бы в сад к нему перевела она (т. е. волчица) выводок, он не поедет до 14-го. А то собьешь собак и не с чем выехать будет. Он с снисходительным презрением слушал Наташу, которая, не понимая еще правила притворяться равнодушной, с разгоревшимися глазами и махая руками и стараясь, но перевирая охотничьи выражения, рассказывала Nicolas, как она подскакала, и собаки за хвост (— Трубу,— поправил строго Nicolas.) — за трубу хотела поймать, и Трунило первая поймала ее¹.

— Отчего же поймала? поймал,— опять заметил Nicolas.— Нет, вот что, теперь дадим вздохнуть три дня, а потом слушай,— говорил Nicolas.— Я тебя отпрошу у папеньки, и маленькой отъезд сделаем. Начнем с Дубровы, тут выводок, потом проравняемся...— И Nicolas, сияя ожиданиями будущих радостей, изложил Наташе и подъехавшему ловчему план следующего маршрута с 14 сентября.

№ 20

Секрет Наташи о ее отношениях с Андреем, о взаимном, связывающем его¹, но не связывающем ее, обещании, как и должно было предполагать, был секретом только в том смысле, что, говоря про это, все говорили, что это секрет. Все в доме знали про это. Наташа не могла удержаться и рассказала про это брату и Соне. Графиня не могла не сказать мужу.

В продолжение восьми месяцев было получено одно письмо из Тирасполя. Князь Андрей писал графине почтительно и несколько холодно, как показалось Наташе. Он просил передать Наташе, что считает дни и часы, отделяющие его от назначенного срока свидания, просит верить, что, ежели чувства его изменились, то только в том, что они стали сильнее, обещался писать еще один раз и просил Натали в конце года написать ему только одно короткое слово «приезжайте», которое сделает его счастливым, или другое слово «не приезжайте», которого он ожидает, не считая себя достойным руки дочери графини, и которое он примет безропотно, (из) своей навеки преданности и любви к Наташе.

Прочтя это письмо², Наташа [(начала?)] долго, ничего не говоря, сидела с письмом в руках (это было еще до приезда Nicolas) и потом разрыдалась до истерики озлобления, как это почти всегда с ней бывало. Она детски сердито кричала на мать, чтоб ее оставили в покое, что она несчастна и что никто этого не понимает. Как балованный ребенок, которому не дали сейчас в руки игрушку, она плакала и не верила, что когда-нибудь эта игрушка будет ее. Еще почти год! Это легко было сказать тому, кто прожил 50 таких годов, но для нее год — это было такое же

¹ На полях: *Я чувствую, что это лучшее время.*

¹ В автографе ошибочно: *ее* (прим. составителя).

² На полях: *Их болтовня, Соня не понимает. Наташа смотрит на (поэтическую) любовь Nicolas, ей грустно, дайте мне мужа. Меланхолия Жюли. Pierre пьет, пьян бьвает.*

длинное и полное впечатлений, чувств и изменений взглядов период³, как и вся ее молодость с 16 до 17 лет.

— И что за дурацкие опыты? Что он хочет испытывать? Нечего испытывать. Ежели бы он любил меня так же, как я его. Целый год.. Нет, он гордый человек, я его ненавижу.. Целый год.. А вот я назло влюблюсь в кого-нибудь, вот он и будет знать. Целый год,— говорила она сквозь слезы. Потом сквозь слезы же она стала улыбаться, вспоминая бал Нарышкиных, вспоминая его таким, какой он был на другой день.

На другой день, проспавши ночь над своим горем, Наташа перестала думать о нем. Она не то, чтобы помирилась с мыслью ждать его целый год. Этого она не могла. Ежели бы она старалась это сделать, она бы только всё больше и больше раздражалась,— она забыла — нарочно забыла и не думала об этом. Она, с одной стороны, слишком сильно чувствовала, для того чтобы быть в состоянии долго чувствовать, с другой стороны, она так сильно чувствовала, что боялась отдаваться этому сильному чувству и способна была увлекаться беспрестанно всеми теми радостями, которые ей представлялись.

№ 21

Вскоре после нарышкинского бала¹, где особенно была замечена прекрасная Héléne, Piègre [получил] был пожалован в камергеры и его супруга пришла к нему, сияя от [радости] счастья, объявить эту радостную новость.— [В третий раз] Теперь она имела везд ко двору, и теперь уже Piègre не может отказаться.

Услыхав это, несмотря на всё искусство самопознания и совершенствования, в котором так долго и усердно упражнялся муж Héléne, вся кровь прихлынула ему к горлу, он вскочил и, выговорив страшно тривиальное бранное слово, объявил жене, что скорее он умрет, чем нога его будет при дворе, и объявил, что он едет в Москву. Piègre уехал в первое время один, но вскоре и Héléne, которой по разным сложным придворным соображениям неудобно было оставаться, далее оставаться, при дворе, [присоединилась] соединилась с своим мужем. Из Москвы уж Piègr'u уже бежать было некуда, и потому он остался с женою. «Притом всё так скоро кончится, что не стоит»,— думал он. Последнее заседание вместе с Андреем Шотландской столовой ложи, улыбка князя Андрея при обрядных словах закрытия, ссора и интриги с Астреею и получение актов 6-й степени, а главное, что страннее всего, любовь Наташи к князю Андрею вдруг заставили усумниться Piègr'a в [истине и] разумности и правде и чистоте и нужности для него масонства. Дорогой из Петербурга в Москву он все три дня, не переставая, перебирал, вспоминал свои впечатления масонства. Воздержание и самосовершенствование ни к чему не привело, так же он вставал поздно, так же на каждой станции пил водку и лафит, хотя знал, что это ему вредно². Жизнь свою семейную и своих подданных лучше не устроил. Ежели он дал много пожертвований на убранство ложи и на деньги заведена настоящая серебряная звезда, то никому не стало лучше. «Цель и клятва наша — помощь ближнему, а по счетам сборов приношений у нас в заседании собиралось 10, 15 рублей, когда сидели мастера по 10 000 душ состояния. По общей книге расходов я платил за всех, и все в долгу и малые-то приношения не платят. Таинств я никаких не узнал, хотя и проник до IV ст(епени) — сера и меркурий — вздор. Отец наш Адонирам [ничего] и не имел секретов, и не за что было его убивать»,— с улыбкой уже думал Piègre, подъезжая к Москве.

№ 22

Кроме света, аглицкого клуба и старых екатерининских тузов, в котором князь Николай Андреевич и граф Растопчин играли главную роль, кроме другого светского света балов, в котором первенствовала Héléne и, как барышня, Жюли, в

³ Так в автографе.

¹ На полях: [Театр] Три московские круга. Долохов и Анатолий, Pierre — умники веселые. Старый князь в Москве, жизнь с Коко.

² На полях: Pierre закутил, и жена прогнала.

Москве был еще другой, холостой, мужской свет, в котором первенствовал Долохов. Общество это холостой молодежи играло, пило, вводило в моду хор цыган Ильи и изредка показывалось и в светском свете, как будто только для того, чтобы показать свету, что оно презирает его¹. Долохов ездил на балы, но редко. Жюли, желавшая приручить к себе этого медведя, раз танцевала с ним мазурку, и все видели, как она, она багрово покраснела при каком-то слове Долохова. Долохов сказал ей на ее вопрос, женится ли он когда, что он женится на женщине, которая его будет любить, а что доказательство любви женщины есть одно — отдаться мужчине.

— Сделали бы вы это? — спросил он.

Была утвердившаяся между ними — а при них подражатели — профессия донжуанства. Они рассказывали друг другу. Долохов на вечере сказал Жюли, что он женится только на женщине, которая захочет быть его любовницей: «Хотите?»

№ 23

На другой день Илья Андреич поехал с дочерью к князю. Князь не мог принять, но княжна Марья просила войти к себе. Наташа была всё время этого визита молчалива и строга. Ее поражала и отталкивала эта атмосфера страха, царствовавшая в этом доме. Илья Андреич, оставив дочь, поехал сделать еще визит. Вслед за ним вошел старый князь («стало быть, он мог принять», — подумала Наташа) и, пробурчав что-то, прошел через комнату. Потом через несколько времени вошел в комнату Тихон и доложил княжне Марье, что князь приказал ей ехать к тетушке. Княжна Марья покраснела и велела сказать, что у нее гости¹.

— Княжна, — вдруг сказала Наташа, вставая. — Я ни за что не войду в дом, где отец моего мужа будет презирать меня. Я хотела вам сказать, лучше всё оставить... лучше. — Она заплакала, и княжна Марья заплакала, и они стали целоваться. И в этом положении их застал старый граф.

В этот же вечер Ростовы поехали в театр. Наташа после своего сосредоточенного молчаливого состояния, в котором она была со времени приезда, вдруг [стало «необычайно?】 сделала так безумно весела и обворожительна, как она бывала в свои лучшие минуты. Уже одетая, она ходила по зале, распевая и спрашивая у всех, хороша ли она и хорошо ли поет. Графиня, покачивая головой, глядела на нее и боялась, как она всегда своим матер(инским) чутьем боялась чего-то от дочери.

— [Завтра княжна Болконская приедет к нам? — спросил отец.] Завтра княжна Болконская обещала приехать к нам, а потом..., — начала она.

— Не говорите мне, мамà, про Болконского, — сказала Наташа. — Тогда всё видно будет. Теперь пока надо веселиться, едем...

В это время в Москве было [два героя] два молодых человека, обращавших на себя общее внимание. Это был Долохов и Анатолий Курагин [Долохов раненый, пришедший], оба приятели. Долохов [был] только в нынешнем году опять появился в Москву, из которой он пропадал 4 года, в черкесском платье, с курчавыми, кошной стоящими волосами и с раненой рукой в рукаве с завязочками, но с большими денежными средствами, на которые он жил холостой, роскошной жизнью. Про него рассказывали самые странные истории. Рассказывали, что после выигрыша у Ростова он завел правильно устроенный игорный дом, в котором обманом обыгрывал молодых приезжих дворян и купцов. Рассказывали, что один из таких обыгранных купцов, очнувшись на другой день после выпитого вина, объявил, что он платить не будет и что Долохов

¹ На полях: *Они все полнокровны. Жюли, декольте с прыщами, засыпанными пудрой, и Долохов, которому всё надоело, и он готовил новенькое.*

¹ На полях: *Они обе не сказали друг другу то, что думали.*

№ 24

Был бенефис [столь] любимой московской публикой итальянской певицы. Театр должен был быть полон. На морозе с обледенелыми усами стояли жан-дармы, визжа, одна за другой подъезжали кареты, и нарядные дамы, спеша, с озабоченным видом служительниц храма, пробегали [мимо] по холодным сеням в двери, которые сами отворялись перед ними. Элегантные мужчины, военные и штатские, оглаживали дам и в зимних платьях, при припомаженных волосам выказывая праздничность, обходили и сторонились перед дамами. Веселые компании купцов, мещан, лакеи шумно пробегали по задним лестницам. Снимались в коридорах шубы, салоны с дам ([всякий раз лица дам при этом делались] лица дам в эти минуты делались еще торжественнее) и охорашивались, оправляясь, шепотом отдавали приказания лакеям, заваленным шубами, и, переговариваясь, кому идти вперед, [входили] наполняли ложи. Негромким говором и легкими звуками шагов по ковру оглашали наполовину заполненный партер. Музыканты спорили. За занавесом, как мыши, [бегали] таинственно и незаконно шурчали и шевелились. Вся Москва была в этом спектакле. В середине съезда — не из первых, но всё еще слишком, слишком рано, по мнению Наташи, приехали Ростовы, то есть граф Илья Андреич, с Наташей и с племянницей, которую он взял, чтоб Наташа не была одна. (Илья Андреич с Наташей приехали только 3-го дня, и Илья Андреич не упускал случая повеселить дочь.) Наташа была свежая из деревни. В ее воспоминании и воображении были [еще] только Nicolas и Соня, дядюшка, Карай, Анисья Федоровна, баня, морозная месячная ночь, лиловеющий снег на закате, ямщики, дорога ([спокойные]) [радостные мысли об Андрее] и сознание того, что она спокойна, что ее девичья карьера кончена, что она счастлива и спокойна. Наташа, подъезжая к театру, даже думала о том, как она удивит всех (она не могла не думать, что все должны быть заняты ею) происшедшей в ней перемены, как она спокойно и весело будет смотреть на то, что прежде ее волновало и тревожило¹. Когда они стали снимать шубы, рядом с ней к ложе подошло незнакомое семейство — дама, три девушки и два молодых человека. Одна из девушек, старшая, некрасивая, посмотрела на Наташу и, видимо, о ней сказала что-то матери. Мать тоже посмотрела на Наташу недоброжелательно, как показалось Наташе. Но тут же она заметила, что оба молодых человека смотрят только на нее. Так как она любила, чтоб на нее смотрели, Наташа слегка улыбнулась [презрительно отставив губку] и тотчас же заметила, что всё это семейство очень mauvais genre². Во-первых, толпа народа в ложе, потом, эти токи и фермуар брильянтовый, и что за зеленый корсаж.

— Возьми. Захар (это был охотник Захар, он же и один из двух лакеев). — И Наташа скинула с голых плеч соболью шубку [и почувствовала, что она хороша], сделала серьезную мину, как будто говоря: «Не для того делаю, чтоб показать себя, а надо же снять шубу», и почувствовала, что она очень хороша, и всё деревенское спокойствие ее исчезло, и в глазах засветились веселые, вызывающие звездочки. [Но оттого, что она так] Наташа была в эту пору вполне созревшей для любви красавицей — глаза ее светились любовью, и вокруг себя она видела только одну любовь.

Больше половины бельэтажа еще было не занято. Наташа, слегка улыбаясь (потому что на нее смотрели), сделала упрек отцу, что рано приехали, и, оправив платье, села вперед, облокотив тонкую обнаженную руку на бархат балюстрады. Как всегда, большинство глаз обратилось на входящих, и большинство глаз надолго остановилось на Наташе, которая не ошибалась, думая, что она очень хороша в этот вечер. Прическа à la grecque³, открытое спереди платье на тонкой, еще костлявой шее с жемчугами очень шло к ней. Но главное, всё выражение ее лица, ее глаза [ярко] светились особенным, [восторженным] любовным блеском в этот вечер. После деревенской тишины, после разочарования в приезде князя

¹ На полях: *Наташа только теперь, когда она меньше думала об этом, поспела, созрела для любви. Она глядела вокруг себя и везде видела любовь.*

² дурного тона

³ на греческий манер

Андрея и досады первых дней и при ярком свете, и при звуках этой прелестной, любимой ее музыки [она пришла в то взволнованное девичье состояние, когда всё существо только ждет одного счастья] [она почувствовала, что всё в ней вдруг перевернулось и что она счастлива] она почувствовала, что кроме той ее жизни с ожиданием, разочарованием есть совсем, совсем другая счастливая жизнь.

— Посмотри, это Аленыны.

— Да, а вон Петров идет.

— Какой Петров?

— Да cousin Бестужевых.

— Ах, да. Как хороша Алена!

— Ничего хорошего,— говорили и спрашивали отец с дочерью. [Но Наташа]

И говорили оба как-то особенно торжественно, не так, как они говорили между собой дома. Они говорили так, что видно было, кроме смысла их речей, было еще что-то. Наташе было уже не ново это состояние, оно с прелестью охватило ее. Сознание обнаженности плеч и груди, ощущение свежести, чистоты рук, обтянутых перчатками, запах духов и ощущение чего-то стройно воздвигнутого на напояженной голове и не имеющего быть нарушенным,— все эти ощущения соединились в ней с особенным душевным состоянием восторга и самодовольства и легкости всего. Это было то же ощущение, которое она испытывала на памятном ей нарышкинском бале, которое она испытывала несколько раз после и которого она лишена была более года. С тем большей силой она отдалась ему. Не успела она перекинуться несколькими фразами с кухней и с отцом, пригibasшим к ней свою лысую — тоже припомаженную голову, как застучала палочка капельмейстера и на одних духовых инструментах началось тихое и стройное *adagio* увертюры. Музыка, этот большой, странный оркестр уже совсем перенесли Наташу в новый мир [из ее]. Отраденские воспоминания сделались чем-то давно, давно прошедшим. [Наташа не «смотрела»] Увертюра была очень хороша. Наташа уже не смотрела вокруг себя, она чувствовала только, что сидит в блестящем свете, и на нее смотрят, и слушает так, как слушают люди, одаренные даром понимания музыки. Ей казалось, что не оркестр играет, что она сама производит эти строгие, чистые, отчетливые звуки. Она чуть заметно, в такт, сгибала и выпрямляла свою голову, чуть заметно улыбалась в местах, ей особенно нравившихся, и выпрямлялась и гордилась в блестящих местах увертюры. Увертюра, как и всякая оперная музыка, составляющая [«компромисс»] сделку между двумя искусствами, драмой и музыкой, и потому не удовлетворяющая ни одной из них,— увертюра состояла из неизбежного анданте, бури, [фуги] опять анданте и *allegro con fuoco*, кончающегося теми же неизбежными аккордами унтер-доминанты, доминанты и, наконец, *tutti* аккорды [тоники]. Но Наташе казалось, что она сама сейчас же и сочиняла и исполняла эту увертюру, и когда она дошла до последних аккордов *tutti*, то лицо ее разгорелось, она, продолжая исполнять увертюру, гордо оглядывалась на входивших и думала только: «Ну, идите, идите, много ли вас тут идет, проходите все, все,— вот сейчас доиграю. Тим, том, тим, том, тим, том», и, наконец, раздался последний аккорд и тотчас же аплодисменты. Всё последнее время увертюры Наташа [перебирала] напряженно перебирала пальцами руки, которые лежали на раме, как будто они мяли что-то, и граф Илья Андреич, покачивая головой и смеясь, смотрел на эти пальцы.

— Папà, что за прелесть! — сказала Наташа.

— Отлично! — ответил Илья Андреич,— пальцы-то что же у тебя работали?

Наташа не отвечала, ей некогда было, она стала разглядывать теперь то, что она мельком видела вокруг себя во время своего исполнения. Занавес поднялся, там были ровные доски, посередине с боков стояли крашенные картоны зеленым, долженствовавшие представлять деревья, из-за картонов под лампами высывались мужчины в сюртуках и девушки какие-то, позади был очень дурно нарисован какой-то город, такой, какие всегда бывают на театре и никогда не бывают в действительности. Наверху были протянуты полотна. На досках сидели какие-то барышни в красных корсажах и белых юбочках, [и] одна в шелковом белом платье сидела особо, и все они были одеты как никогда в действительности и всегда на театре. И все они пели очень дурно и не слышно. Потом в белом подошла к будочке, и

к ней подошел в шелковых в обтяжку панталонах (ноги толстые были) с пером и кинжалом и стал что-то ей доказывать и петь.

Наташа, как ни редко [бывала в театре, всё это знала. И знала] бывала в театре, знала, что всё это так будет, и [как никогда] не интересовалась тем, что было на сцене. Она (не?) смела признаться в этом, но она не любила даже оперу. Она стала глядеть в партер и в ложи. Когда ребенком ее в первый раз привезли в театр, она думала, что самый театр не сбоку, на сцене, а прямо против, в рядах освещенных лож, где всё головы, головы, и, хотя ее старались в этом разуверить, она, никому в том не сознаваясь, осталась при этом убеждении. Во время увертюры она особенно заметила налево в соседней ложе что-то в золотых очках знакомое и рядом с ним что-то прекрасное, и еще в 1-м ряду кресел у рампы задом к сцене что-то знакомое и очень замечательное, и напротив в ложе что-то близкое и неприятное. Но тогда ей не было времени разбирать. У нее осталось в памяти только одно знакомое, доброе; знакомое доброе был Pièrre, который с женой занял ложу рядом с Ростовыми. Прекрасное это была его жена Hélène во всем блеске красоты и элегантности петербургской дамы, которая хочет уничтожить всех московских соперниц. Знакомое и замечательное был Долохов в черкесском платье с огромной копной стоящими курчавыми волосами и с рукой в рукаве на завязочках, стоял в 1-м ряду, обращая на себя внимание и не тяготясь им; и неприятное близкое была Жюли с матерью и Борисом, который был уже женихом и которого по одному тому, как он вошел в ложу, улыбнулся, подставив, улыбаясь, ухо Жюли. можно было сейчас признать за жениха. Это было неприятное. Отчего и как, Наташа не могла себе дать отчета. Она отвернувшись на сцену. Там с двух сторон из-за зеленых картонов вышла с левой — женщина с короткой юбкой, а справа — мужчина, и стали друг против друга и стали что-то петь — не слышно было что. Один из них, ровно подымая и опускаая руку, — это был старичок в желтых в обтяжку панталонах. «Долго он это будет», — подумала Наташа, как пришептывающий голос над самым ухом развлек ее. Это был Pièrre, который, узнав и перегнувшись к ней, улыбаясь начал говорить, глядя ласково, радостно через очки.

[Ах, как] Pièrre, сидя сзади, уже давно успел пожать руку графа, расспросить его, как и надолго ли он здесь, и давно уже тщетно старался обратить на себя внимание Наташи, которая смотрела и вперед, и на Жюли, и на сцену, и на 1-ые ряды, и на прекрасную Hélène, но не успела взглянуть.

— [Ах] Вы не хотите знать вашу нянюшку, — говорил ей Pièrre, который с Наташей всегда держался в веселых шуточных отношениях, вероятно, оттого, что он чувствовал, что стояло бы ему только выйти из этих подставных, шуточных отношений, и он бы оказался к Наташе в других, слишком неудобных для него отношениях. С тех пор как он вошел в ложу, он не спускал с нее глаз, и теперь, когда он, нагнувшись, через очки смотрел на нее, [Наташа с несдерживаемым восхищением] Наташа [«обратила»] почувствовала с радостью, что он всей душой восхищается ею.

— Боже мой! Можно ли так похорошеть, — говорил он ей. — Что вы делали всё это время? Я говорил вашему папичке, как ему не грех лишать Москву...

Наташа улыбалась и не отвечала. Что ж ей было отвечать? Она чувствовала только, что Pièrre говорит очень умно и истинную правду. Но, кроме этой правды, ей от Pièrre'a, который живо напомнил ей Андрея, хотелось узнать, не имел ли он известий, писем. «Уж не скрывают ли они от меня? — подумала она, — и вдруг, когда я меньше всего жду, — он войдет в ложу. Уж не приехал ли он?» С этой мыслью она обратилась к Pièrre'у и [«прошептала»] спросила, где он провел это время, давно ли оставил Петербург. Она думала сначала искусно навести разговор, но потом вдруг покраснела и спросила прямо, не вернулся ли князь Андрей.

Pièrre вздохнул почему-то и ответил, что не имеет ни писем, ни известий. Всё остальное время 1-го акта Pièrre, перегибаясь к ней, смешил Наташу своими замечаниями насчет актеров, но Наташа не смеялась, ей грустно было. Напротив, Жюли беспрестанно обращалась к Борису, который нагибался и улыбался ей. Рядом, у Hélène, сидел за ней, кроме мужа, француз, шептавший ей что-то. Со всех сторон все были счастливы, все были окружены. Она одна должна была быть одна, хотя она и видела и чувствовала, что не один Pièrre, но и большая часть партера

смотрела на нее, несмотря на соседство [*Hélène*]. В антракте Долохов, необыкновенно похорошевший, с приемами презрительной уверенности стоявший в середине театра, не спуская глаз, смотрел в их ложу. Наташа поняла, что он искал Соню. К ним вошел знакомый москвич, с которым говорил Долохов (Наташа заметила это), и стал спрашивать о семействе и о Соне: «Где она? Приедет ли она?» Наташа поняла, что [это был] он был подослан Долоховым, и ей вдруг после [минуты] чувства восторженного самодовольства сделалось грустно. Она вдруг, как это часто [бывает] и особенно болезненно бывает, почувствовала себя одинокой в этой блестящей толпе. Риегге ушел из своей ложи. Граф тоже вышел. Она рассеянно смотрела вокруг себя, завидовала, ревновала и хотела или поскорее уехать, или что-нибудь сделать необыкновенное. В соседней ложе ее внимание обратило имя Бориса Друбецкого и Жюли. Она прислушалась.

— Разве это уже объявлено! — говорил один из блестящих молодых людей, вошедших в ложу к *Hélène*. — *Mlle* Ахросимова старше Друбецкого, я думаю.

— Как же, вчера это решилось, — отвечала *Hélène* с громким смехом. — *Ca sera un mariage mélancolique, comme dit mon mari* ⁴.

Наташа поглядела в ложу Ахросимовых. Борис подавал руку Жюли, чтобы выйти из ложи.

«Да, когда еще это будет, — подумала Наташа о князе Андрее, — когда-нибудь, и что за испытание, точно он не мог выйти в отставку или взять меня с собой, а теперь я одна, и никому до меня дела нет». В соседней ложе шептали что-то.

— *La cadette charmante, une tête de poétesse délicieuse* ⁵. Она знала, что это говорили про нее. [*Hélène*] [Где]

— *Voyons voir!* ⁶ — послышался голос громче других, басистый, мужской, приятный голос. — *Gentille! Très gentille!* ⁷. А нога? Хороша? Я сужу о женщине, как о лошади, — по ногам. [Уже]

— Шпиш, — сказала *Hélène*. — Этого уж я тебе не могу сказать...

— Покажи свою, — сказал мужской голос.

— Вот вздор!

В заду ложи послышалась возня и веселый хохот.

— *Mauvais polisson* ⁸, — сказала *Hélène*.

— Так я к тебе ужинать, — сказал мужской голос.

Наташа, само собой разумеется, в то время, как она слышала этот разговор, была занята рассматриванием афиши [но] и не оглядывалась, но, не оглядываясь, она видела, что [про нее говорил] тот, кто говорил «ты» *Hélène* и который спрашивал о ее ноге, был гвардейский офицер с белым затылком и шелковистыми русыми волосами, зачесанными наперед. «Кто это может быть?» — подумала Наташа и сама для себя, для своего успокоения, выставила ножку из-под платья [и полюбила ее].

В ложу вернулись Илья Андреич и Риегге. Наташа слушала и отвечала им, но смотрела в *parterre* [от], как бы карауля кого-то. Вот он. Это был тот самый *mauvais polisson*, который сомневался в ее ноге. Он вышел из боковой двери в кавалергардском, высокий, статный красавец с широкой грудью, румяными губами и высоко гордо поднятой головой. Наташа узнала тот самый затылок, который она видела, и ей смешно было думать, какое он уважение к себе там, в *partere*, внушал своей осанкой (она заметила, что перед ним сторонились) и как он был *polisson* сейчас в ложе. У него был значительный, гордый и молодецкий вид. Так самоуверенно небрежно идти по рядам, прямо на людей, с уверенностью, что посторонятся, не мог идти человек, который не знал себе цены. Походка у него была немного ленивая, немного ухарская, такая походка, которая бы сделала его смешным, ежели бы он не был так хорош собой. Кроме того, начиная от звука его сапог по ковру (тонких с маленькими шпорами) до прически и покроя платья виден был *l'homme élégant* ⁹.

⁴ Это будет меланхолический брак, как говорит мой муж.

⁵ Младшая прелестна, поэтическая головка, очаровательна.

⁶ Давайте посмотрим!

⁷ Мила! Очень мила!

⁸ Скверный шалун.

⁹ эlegantный мужчина

[et comme il faut)], что так высоко ценила Наташа. Анатолий прошел в первый ряд, подошел к Долохову, к которому так почтительно приближались другие, и [стал] улыбаясь, потрепал его по животу (тут на самом виду всего театра). «Знаю, что вы все смотрите, — как будто говорил его вид. — Ну смотрите, мне всё равно». «И о чем они говорят, о чем они смеются? — думала, глядя на них, Наташа. — Что-нибудь отличное». И ей досадно было, что они смеялись и говорили не о ней. Но в то время как подняли занавес, они оба перегнулись назад. Анатолий перекинул руку через спинку кресла и, смеясь глядя на нее, что-то говорил Долохову. «Это что-то новое, этого я не испытала еще, — подумала Наташа. — В нем всё другое, чем в князе Андрее, что не знаю, но всё другое». [Может быть это]

Во втором акте были всё картоны, изображающие какие-то монументы, и дыра в полотне, изображающая луну, и абажуры ламп подняли и стали играть в басу трубы и контрабасы, и в черных мантиях стали ходить люди, и пришло много справа и слева, и стали опять махать руками, а в руках у них было что-то вроде кинжалов [под предлогом пения], потом прибежали еще какие-то и стали тащить ее прочь, но не утащили сразу, а она долго с ними пела, а потом уже ее утащили, и за кулисами ударили 3 раза в кастрюльку, и все очень этого испугались и стали на колени и опять пели очень хорошую молитву.

Наташа [уже меньше] [В третьем] слушала, ее занимало много вещей: 1) ей хотелось быть знакомой с Hélène, известной модницей и красавицей, и она удивлялась, почему папà не познакомит ее, 2) ей досадно было смотреть на Бориса, который был ее собственный и посмел сделаться женихом. Она ждала его к себе в ложу и собиралась быть как можно веселее с ним и как можно естественнее, радостнее поздравить его. Она сама не знала, почему [но Анатолий (притягивал)] Анатолий, который [очевидно] был — и по тому, какое положение он принимал в партере и в ложах дам, — 1-м кавалером Москвы, занимал ее, и она не спускала с него глаз.

Во 2-м антракте пришел Борис, Наташа обожалась, как и хотела, радушно и холодно, и Наташа, выйдя в коридор с отцом, была представлена Hélène. Анатолия не видно было. Он под руку с Долоховым ушел куда-то.

В 3-м акте был представлен дворец очень светло, и картины, рыцари с бородками, особенно дурно нарисованные, так дурно, как только бывает на театре, и царица, и царь, вероятно, которые оба очень дурно пели, пропели что-то по сторонам и сели на трон. Она была, тоже и он, в дурном платье и очень грустны. Но они сели. Справа вышли мужчины с голыми ногами и женщины с голыми ногами, и стали танцевать все вместе, кружиться, а потом скрипки заиграли, одна отошла на угол, поправила корсаж худыми руками и стала прыгать и скоро бить одна об одну толстыми ногами.

В это время Наташа заметила, что Анатолий смотрел в трубку на нее и хлопал и кричал. Потом один мужчина стал в угол, заиграли громче в цимбалы и трубы, и один этот мужчина с голыми ногами стал прыгать очень высоко и очень дурно, и потом наверху стали хлопать и кричать, и мужчина стал глухо улыбаться и кланяться. Потом еще плясали другие, и потом опять один из парей закричал что-то под музыку и стали петь. Но вдруг, само собой разумеется, сделалась буря, стали *agreggio* уменьшенными септимами и хроматической гаммой играть, и все побежали и потащили опять кого-то.

В этом антракте Hélène особенно просила графа Илью Андреевича пустить к ней в ложу дочь и просила так настоятельно, что, несмотря на очевидное нежелание это сделать, граф Илья Андреевич не мог ей отказать. Hélène говорила, что она так полюбила Наташу, что она хочет воспользоваться ею, что она слышала о ее прелестном голосе, что они будут вместе петь и т. д. Наташа перешла к Hélène, а [Pierrot перешел к графу, и там она слышала, как ее папенька, очевидно притворяясь, говорил, что пора] Pierrot сел зади с графом, и Наташа слышала, как ее отец говорил что-то, что пора давно было образумить Россию, что Сперанский прекрасно всё делает, что надо, наконец, приняться за финансы, а то «лежа?»).

Pierrot спорил, но кротко, видимо, не желая употреблять всех своих сил против такого неровного бойца. Как и что это было, Наташа не знала, но она чувствовала, что ее папенька *фурфурруется*, что он хочет быть современным, и что-то, что он говорит, уже старо, что на нем узкие панталоны, тогда как давно носят широкие. [Наташа всё «замечала?】 Наташа желала бы внушить это папеньке, но не успевала

и не пробовала. Наташа была тщеславно возбуждена лестным приемом Hélène, казавшейся ей такой неприступной красавицей и grande dame, и всё тщеславно замечала. Когда она перешла к Hélène, она взглянула торжествующе на соседок справа. «Вот вы на меня так смотрели. А уж графиня Безухова-то, я думаю, всем известна, а видите, как я с нею».

В последнем акте приходил дьявол, и проваливался кто-то в раздвинутые доски, и был хор, где он всё впереди всех и громко пел, поднимая руку, но Наташа меньше всех видела этот последний акт, потому [что только что она перешла в ложу Hélène] как Анатолий, на которого она смотрела невольно, что-то сказал Долохову, засмеялся и ушел, несмотря на то, что начинался акт. Через две минуты пахнуло холодом из растворенной ложи, уже знакомая Наташе походка послышалась в ложе; между ней и Hélène нагнулась фигура Анатолия.

— Hélène, presentez moi à la comtesse Ростовой ¹⁰, — сказал голос, улыбаясь Наташе. И он начал с ней говорить прежде даже, чем сестра исполнила его просьбу. Он близко, так близко, что Наташе неловко было, подсел к ней и начал, наклоняясь совсем к ней, говорить ей о давнишнем желании быть представленным ей, о бале Нарышкиных. Он говорил чрезвычайно легко и просто, видимо, и не думая о том, что выйдет из его речей. Он, не спуская улыбающихся глаз, смотрел на лицо, на шею, на руки Наташи. Ей тесно, жарко и тяжело становилось. Когда она не смотрела на него, она чувствовала, что он смотрел на ее плечи, и она невольно перехватывала его взгляд, чтоб он уж лучше смотрел [на нее] на ее глаза. Но, глядя ему в глаза, она с страхом чувствовала, что между им и ею нет той преграды стыдливости, которую всегда она чувствовала между собой и мужчинами. Она, сама не зная как, через 5 минут чувствовала себя страшно фамиллярно близкою к этому человеку. Когда она отвертывалась, она боялась, как бы он сзади не взял ее за голую руку, не поцеловал бы ее в шею. Они говорили о самых простых вещах, а она чувствовала, что они близки, как она никогда не была с мужчиной. И что ей странно было, это то, что он не только не робел перед нею, как робел сам князь Андрей, а напротив, он как будто ласкал и подсмеивался над нею. Тон, небрежно подсмеивающийся, был принят Анатолом раз навсегда со всеми женщинами.

Наташа оглядывалась на Pierr'a и отца, как оглядывается ребенок, когда его чужие хотят увести, но они всё не смотрели на нее. В числе вопросов учтивости Наташа спросила у Анатолия, как ему нравится Москва. Наташа спросила и ужаснулась тому, что она спросила: ей постоянно казалось, что что-то неприличное она делает. Анатолий улыбнулся.

— Сначала мне мало нравилось, потому что, что делает [жизнь] город приятным, les femmes, les jolies femmes ¹¹, но теперь к середине зимы подъезжает товар, и должен признаться, с каждым днем лучше. Ma parole d'honneur vous êtes la plus jolie femme de la saison ¹², — сказал он и, протянув руку, сказал:

— Donnez moi cette fleur ¹³. Наташа отвернулась и покраснела. Она не знала, что сказать. Но только что она отвернулась, она с ужасом подумала, что он тут сзади ее так близко от нее, что он теперь сконфужен, рассержен. Она не могла и оглянуться. Он, нагнувшись, отрывал бант с подола ее платья, и когда она взглянула на него, он оторвал его и, улыбувшись, прижал к губам ¹⁴. Хотела или не хотела рассердиться Наташа, она сама не знала, она прямо в глаза взглянула ему, и его близость, и уверенность, и добродушная ласковость улыбки победили ее. Она улыбнулась тоже, так же, как и он, глядя прямо в глаза ему. «Боже мой, что я, где я?» — думала она. Но и весь этот 3-й акт, всякий раз, как она глядела на него, она, покоряясь ему, улыбалась, она чувствовала, что между ним и ею нет никакой преграды. Когда они выходили с отцом, Анатолий провожал их до кареты. Он подсадил Наташу и пожал ей руку выше кисти.

¹⁰ Элен, представь меня графине

¹¹ женщины, хорошенькие женщины

¹² Честное слово, вы самая красивая женщина в нынешнем сезоне.

¹³ Дайте мне этот цветок.

¹⁴ На полях: Она позволила ему вольность, она ласково посмотрела на него, и началась та ретроспективная работа, которая доказала ей, что она его любила с самого начала. А любил, так он прекрасен. Это спокойствие, мужественность. А он — прием романтика и ловеласа.

№ 25

ИСТОРИЯ ДОЛОХОВА

а. [Долохов был] С 1807 года после большого выигрыша у Ростова Долохов открыл у себя [регулярный] организованный игорный дом, в который [собиралась] собирались все игроки московские, несмотря на то, что все говорили, что Долохов играет поддельными картами. [Но искусство ли, такт ли] Но он делал так, что люди, как сенаторы, имевшие голос в обществе, выигрывали часто у него, проигрывали же большей частью неизвестные молодые богатые люди. В 1807 году один молодой купец был обыгран Долоховым на несколько 10-в тысяч, и так как молодой купчик не знал изречения, что *un dette de jeu et sacré*¹, то купчик, очнувшись на другой день от дурмана, подлитого ему в вино, с наивным здравым смыслом объявил, что он не заплатит, так как он обманом обыгран. Тогда Долохов особенным жестоким блеском глаз посмотрел на него, улыбка стала виднее, ничего не сказав купцу, кликнул людей, велел приготовить вексельной бумаги и селетки в пустую комнату и запер туда купца.

— Ну так погостите у меня, может вздумаете подписать.

Через три дня, во время которых купцу не давали пить, вексель был подписан и купец выпущен. Но купец подал жалобу, и, несмотря на сильную защиту, которую успел найти Долохов, он был выслан из Москвы и ему угрожалo разжалование, ежели он не вступит в службу. Он поступил капитаном в Финляндскую армию. В Финляндии их полк не был в деле, и он, как всегда, умевший быть в связи с людьми, выплывши себе по состоянию и положению, жил вместе с родственником Болконских, двоюродным братом Андрея. Оба стояли у пастора, и оба влюбились в его дочь. Долохов, прикидываясь только влюбленным, давно [уже] был любовником пасторской дочери. Болконский, узнав это, стал упрекать Долохова. Долохов вызвал его и убил. В тот же вечер пасторская дочь с упреками и угрозами пришла к нему. Долохов был в припадке своей жестокости. Он прогнал и избил ее. Сразу начались два новых дела. И в это время Долохов пропал, так что в продолжение двух лет никто ничего о нем не слышал. Последнее известие, полученное о нем², было письмо к матери, тайно переданное ей одним из прислужников и помощников по игре Долохова во время его блестящей жизни в Москве. — Письмо это было короткое, но страстно-нежное, как и все письма Долохова к матери и как его отношение к ней с того самого времени, как он стал на ноги.

М. И. Долохова, дочь богатого человека, была бедная вдова с 60 душами и 3-мя дочерьми и одним сыном. Она жила в деревне, и только в 1805 году сын ее — примерный сын, перевез ее в Москву и купил ей на выигранные деньги маленький домик у Николы Явленного и содержал ее и сестер. Марья Ивановна считала своего сына Федю образом всех человеческих совершенств, но слишком благородным и пылким для нашего нынешнего развратного света. Она и сестры во всем, что случилось с ним, только видели несчастье, преследующее всегда добродетель.

б. В 1805 он купил матери дом и был уже р

в. 1806 год, тот самый, во время которого произошла дуэль между Долоховым и Безуховым, был самый счастливый год для матери. Несмотря на горе, которое причинила матери его рана, всё время выздоровления он лежал у нее и был с нею. В том, что Безухов дрался с Долоховым, мать видела только новое доказательство людской злобы и порчи света. «Где же нет, чтобы молодой человек не имел связи с женщинами? Это, напротив, формирует людей. Ежели Безухов так ревнив, то он (должен бы) прежде так показать это, а не после хода. И что за гадость вызвать на дуэль человека, который ему должен, предполагая, что он откажется. [Самое же лучшее] И вот людская справедливость, Безухову ничего не сделали, а Федю судили и лишили чина». Но лучшее время для матери было последовавшее после дуэли сближение сына с семейством Ростовых. Nicolas, мать видела, понимал всю высоту души ее сына, и принимала его. Он был у них в домике Николы Явленного ежедневным гостем, и мать помнила их задушевный разговор. Она помнила, как сын, еще лежа в постели, разговаривавшись о правилах, говорил:

¹ Карточный долг — это священо.

² В автографе было *им* (прим. составителя).

— Есть три рода людей — одни, которые никого не любят и никого не ненавидят, это самые глупые и самые счастливые. Есть другие, которые только любят некоторых и остальных не знают, это Безухов, это бабы; есть такие, как я, которые только малое что любят, а остальное всё ненавидят. Это я. У меня есть обожаемая, неоцененная мать, есть два-три друга, еще есть одно... ты знаешь, — сказал он, — а остальное я всё ненавижу и презираю, и изво всех остальных готов сделать окрошку для того, чтобы избранным было хорошо.

И мать знала, что это была правда. В это время сближения с Ростовым мать знала, что сын ее влюблен в Соню, в воспитанницу без средств, без состояния, что он бросил самую блестящую в России связь для этой девочки, что он для нее отказался от всех лучших партий, которые предлагала ему мать. И хоть мать желала ему богатства, она радовалась этому благородству сына. Она и дочери ее все были влюблены в Соню. Она ездила в театр, чтобы смотреть на нее, и восхищалась ею. Тоска, овладевшая Долоховым после отказа, была ужасна. Он говорил, что убил бы себя, ежели бы не несравненная мать, поддерживавшая его. Он всегда, говоря о матери и с матерью, употреблял какие-нибудь страстные эпитеты. Тоска эта его продолжалась до того дня, в который он решил отплатить кому-нибудь за неудачу и выместил на Nicolas свою досаду, обыграв его. — Мать долго не могла простить Ростовым то, что они раззнакомились с ее сыном за этот проигрыш и распускали о нем невыгодные слухи³. «Что ж, все играют и проигрывают. Федя не меньше других проигрывал и никогда никого не обвинял. Как не узнал этих молодых людей. Казался честный, а вышел какой подлый, что может распускать такие слухи, про кого же, про Федю бесценного, несравненного». Вся жизнь последующая Долохова (он жил отдельно от матери, буйная, развратная, игровая, только возбуждала горесть и ее сожаление о несчастном благородном сыне. Она понимала, что всё это происходило [от несчастной любви] от горя несчастной любви, которое он старался заглушить всем этим шумом. [И она благословила] История с купцом была опять несправедливым преследованием благородного сына. «Разумеется, он погорячился, но кому же не будет досадно, что какой-нибудь купчишка смеет говорить, что не заплатит, потому что он обыгран обманом. Кто же это, мой сын Федя, обыграл обманом? Очень похоже на него!» Когда Долохов уезжал в Финляндию, он, рыдая, как ребенок, обнял мать и его почти без чувств посадили в перекладную.

Последнее письмо, полученное из Финляндии, было следующего содержания: «Бесценный ангел-хранитель мой матушка. Жестокая судьба не перестает преследовать меня. Роковые обстоятельства увлекают меня в бурный поток жизни. Я опять несчастен, опять сужусь. Богу истинному, справедливому известна правда. Я бежал. Но о себе я не думаю, одно горе, мучающее меня, это вы, мой ангел, мой голубчик, обнимаю вас, бесценный ангел, и умоляю не печалиться, жалеть себя для лучших дней. Я не пропаду. Я чувствую, что буду опять видеть ясные любви полные материнские дорожки света для меня очи и лобзать эти руки. Божественная натура говорит во мне сильнее других голосов. Прощай, ангел, посылаю, что могу, и молю о терпении и <1 нрзб>. Обожающий вас сын Ф. Долохов». [Все эти письма]

При письме были 5.000 денег. Долохов писал, что ему ничего не нужно. Мать, обливая слезами, перечитывала это и прежние такие же письма, когда в 10 году зимой старый дворник Гаврила пришел сказать, что мужик пришел спрашивать. Ольга, сестра, пошла посмотреть. Одни женщины боялись. Как вдруг вскрикнул мужественный голос, и в кафтане вбежал бледный Долохов и упал в обморок в объятия матери. Это был он. Он пешком пришел из Камчатки. Он был (диким?), татуирован, он ездил вокруг света. Он боялся всего. Его велено было расстрелять за бунт, произведенный на корабле. Он тайно пришел. Мать спрятала его, но тайна скоро узналась, и важные тайно (*secret de la comédie*) видели этого странного человека и хлопотали за него. Он сделался даже известностью и модой.

³ На полях вписано и зачеркнуто: [Для] У М. И. Долоховой был один догмат веры: то, что сын ее образец добродетели, и всё, что случалось с сыном, для матери подтверждало только истину развращенности света и добродетели сына. Безухое был взыбаломный пьяный дурак. Nicolas Ростов был неблагодарный человек, который за всю любовь Федю отплатил роспуском нелепых слухов. Соня — про любовь сына М. И. тоже знала — была гадкая девчонка, а Феде было носить кресты в своей жизни.

В это же время в Москве в начале 1812 года жил Анатолий Курагин. Он приехал из Петербурга, как он говорил, *baiser les moscovitains*⁴. Петербургские дамы ему надоели. Он приехал к Долохову, потому что все ездили к Долохову и спрашивали, видели ли знаменитого африканца, а Долохов обворожил его, как он умел, потому что он ему был нужен. Долохов жил отдельно от матери, опять богато и оригинально (чем, никто не знал). У него обеды. И обеды его бывали странны: щи, бок, запеканка и редкая мадера. Анатолий обедал у него. Они выпили и разговорились.

— Что же,— говорил Анатолий, философствуя,— больше ничего нет на свете, как вино и женщины. Вот женщины. Как глупы, как жалки. Я люблю, когда плачет. И пройдет от ласк. (Карнакова?) жалкая была.

— Я, брат, обещану любил, всё то же. Теперь красивые женщины⁵.

Была утвердившаяся между ними — а при них подражатели — профессия донжуанства. Они рассказывали друг другу. Долохов на вечере сказал Жюли, что он женится только на женщине, которая захочет быть его любовницей. — «Хотите?»

Анатолий брал молчаливой дерзостью, но добродушен был со всеми с товарищами мужчинами.

№ 26

а. Марья Ивановна Долохова, дочь богатого человека, была бедная вдова с 60 душами и с 3-мя дочерьми и одним сыном. Она жила в деревне. И только в 1805 году сын ее, — примерный сын, — перевез ее в Москву, [и купил ей маленький] купил ей на выигранные деньги маленький домик у Николы Явленного и содержал ее и сестер. Марья Ивановна считала своего сына Федю образцом всех человеческих совершенств, но слишком благородным и пылким для нашего нынешнего развратного света. Она и сестры во всем, что случалось с ним, только видели несчастье, преследующее всегда добродетель.

б. В 1806 он купил матери дом и был уже намерен

в. 1806 год, тот самый, во время которого произошла дуэль между Долоховым и Безуховым, был самый счастливый год для матери. Несмотря на горе, которое причинила матери его рана, всё время выздоровления он лежал у нее и был с нею. В том, что Безухов дрался с Долоховым, мать видела только новое доказательство людской злобы и порчи света. «Где же нет, чтобы молодой человек не имел связи с женщинами? Это, напротив, формирует людей. Ежели Безухов так ревнив, то он должен бы прежде показать это, а не после года. И что за низость вызвать на дуэль человека, который ему должен, предполагая, что он откажется. [Самое же лучшее] И вот людская справедливость: Безухову ничего не сделали, а Федю судили и лишили чина».

Но лучшее время для матери было последовавшее после дуэли сближение сына с семейством Ростовых. Nicolas, мать видела, понимал всю высоту души ее сына и ценил его. Он бывал у них в домике Николы Явленного ежедневным гостем, и мать помнила их душевные разговоры. Она помнила, как сын, еще лежа в постели, разговаривавшись о правилах, говорил: «Есть три рода людей: одни, которые никого не любят и никого не ненавидят. Это самые глупые и самые счастливые. Есть другие, которые только любят некоторых и остальных не знают. Это Безухов, это бабы; есть такие, как я, которые только малое число любят, а остальное всё ненавидят. Это я. У меня есть обожаемая неопцененная мать, есть два-три друга, еще есть одно... ты знаешь, — сказал он, — а остальное я всё ненавижу и презираю, и из всех остальных готов сделать окрошку для того, чтобы избранным было хорошо». [И мать знала, что это была правда].

В это время сближения с Ростовым мать знала, что сын ее влюблен в Соню, в воспитанницу без средств, без состояния, что он бросил самую блестящую в России связь для этой девочки, что он для нее отказался от всех лучших партий, которые предлагала ему мать. И хотя мать желала ему богатства, она радовалась этому благородству сына. Она и дочери ее все были влюблены в Соню. Они ездили в театр, чтобы смотреть на нее, и восхищались ею. Тоска, овладевшая Долоховым после отка-

⁴ целовать москвичек

⁵ На полях: Долохов натравливает Анатолия, он его раб. В Москве было общество кутил.

за, была ужасна. Он говорил, что убил бы себя, ежели бы не несравненная мать, поддерживавшая его. Он всегда, говоря о матери и с матерью, употреблял какие-нибудь страстные эпитеты. Тоска эта его продолжалась до того дня, в который он решился отплатить кому-нибудь за свою неудачу и выместил на Nicolas свою досаду, обыграв его. Мать долго не могла простить Ростовым то, что они раззнакомились с ее сыном за этот проигрыш и распускали о нем невыгодные слухи. «Что ж, все играют и проигрывают. Федя не меньше других проигрывал и никогда никого не обвинял. Как не узнаешь этих молодых людей. Казался честным, а вышел какой подлый, что может распускать такие слухи, про кого же? Про Федю бесценного, несравненного». У М. Д. Долоховой был один догмат веры: то, что сын ее есть образец добродетели, и потому всё, что случалось с сыном, для матери подтверждало только истину развращенности света и добродетели сына. Безухов был взбалмошный пьяный дурак. Nicolas Ростов был неблагодарный человек, который за всю любовь Феде отплатил, распуская нелепые слухи. Соня, про любовь к которой сына М. Д. тоже знала, была гадкая девчонка, а Феде было носить кресты в своей жизни.

Вся жизнь последующая Долохова [он жил в] [он жил отдельно от матери] — буйная, развратная, игровая — только возбуждала горесть и сожаление о несчастном, благородном сыне. Она понимала, что всё это происходило от горя несчастной любви, которое он старался заглушить всем этим шумом. [И она благословила] История с купцом была опять же несправедливым преследованием благородного сына. «Разумеется, он погорячился, но кому же не будет досадно, что какой-нибудь купчишка смеет говорить, что он не заплатит, потому что его обыграли обманом. Кто же это, мой сын Федя обыграл обманом? Очень похоже на него!» Когда Долохов уезжал в Финляндию, он, рыдая, как ребенок, обнимал мать и его почти без чувств посадили в перекладную.

Последнее письмо, полученное из Финляндии, было следующего содержания¹.

Мать, обливаясь слезами, перечитывала это и прежние такие же письма, когда в [10] 11 году зимой старый дворник Гаврила пришел сказать, что мужик пришел спрашивать. Ольга, сестра, пошла посмотреть. Одни женщины боялись. Как вдруг вскрикнул мужественный голос, и в кафтане вбежал бледный Долохов и упал в обморок в объятия матери. Это был он. Он пешком пришел из Камчатки. Он был в диком (виде?), татуирован, он ездил вокруг света. Он боялся всего. Его велено было расстрелять за бунт, произведенный на корабле. Он тайно пришел. Мать спрятала его, но тайна скоро узналась, и важные лица тайно (*secret de la comédie*²) видели этого странного человека и хлопотали за него. Он сделался даже известностью и модой.

В это же время в Москве, в начале 1812 года, жил Анатолий Курагин. Он приехал из Петербурга, как он говорил, *baiser les moscovitaines*³. Петербургские дамы ему надоели. Он поехал к Долохову, потому что все ездили к Долохову и спрашивали, видели ли знаменитого Африканца, а Долохов обворожил его, как он умел, потому что он ему был нужен. Долохов жил отдельно от матери, опять богато и оригинально (чем, никто не знал). У него обеды были. И обеды его бывали странны: щи, бок, запеканка и редкая мадера. Анатолий обедал у него. Они выпили и разговорились.

— Что же, — говорил Анатолий, философствуя, — больше ничего нет на свете, как вино и женщины. Вот женщины. Как глупы, как жалки; я люблю, когда плачет. И пройдет от ласк. Корнакова жалкая была.

— Я, брат, обезьяну любил: всё то же. Теперь красивые женщины.

Была утвердившаяся между ними — и при них подражатели — профессия дожуанства. Они рассказывали друг другу. Долохов на вечере сказал Жули, что он женится только на женщине, которая захочет быть его любовницей. — «Хотите?»

Анатолий брал молчаливой дерзостью, но добродушен был со всеми с товарищами мужчинами⁴.

¹ Текст письма см. на с. 755.

² всем известная тайна

³ целовать москвичек

⁴ На полях: Долохов направляет Анатоля. Он его раб. В Москве было общество кутил.

Nicolas Ростов сидел в полку эскадронным командиром. [Анатолий Курагин приехал в Москву в отпуск. Он остановился у сестры Безуховой в доме. Княжны жили в нем.] Он испытывал то перемещение интересов и ту военную поэтическую праздность, которую нельзя описать, ежели не испытал ее. Он сидел на завалинке и думал: «Владимир с бантом. Обидели — чёрт их дери, в деревню, жениться на княжне Марье, стаю зависть. Соня вот пристала. Ну, да что я за Дон Жуан, и за то спасибо, что любит. Зашел товарищ: „Поедем в город“. „Поедем, там письмо“⁵. Мать пишет: „Я признаюсь, отец медлит, дом не продан, приезжай, помоги нам“». Вдруг весь взгляд на вещи изменился — награда, эскадрон, песенники далеко, впереди только дом, Наташа, Соня. «Пристали, я не Дон Жуан. А пора бы Наташе мужа Андрея. Тогда мне нельзя».

Подъезжает к дому. Говорит с знакомыми извозчиками, радость.

Наташа одна тоскует, скверное общество, дайте мужа.

В тот же вечер Nicolas пошел к Митеньке, разгорячился и избил его. Соня умоляет не горячиться. Учет. «Папа, продадим дом». Старый граф сам едет и берет Наташу с собой. Nicolas дома охотится, [волк] брызги большой стаи (Киреевской). Приезжает Анатолий.

В Москве весною первая встреча у Жюли с Анатолем. Наташа кокетничает. Старик зовет к себе. Анатолий. Она пишет письмо Андрею, что она погибла.

Общий ход дел — народная война.

Старик Болконский умирает и княжна Марья, Bourienne.

№ 27

В начале [мая] апреля они встретились в театре, «французском» театре, возбуждавшем тогда негодование патриотов. Всё уже говорило о предстоящей войне. Но Анатолий никогда не думал и не мог думать об этом вздоре¹.

Долохов сумел уже так поставить себя, ознакомившись с значительными лицами столицы, что ежели бы его выслали теперь, то компрометированы бы были эти лица, принимавшие его. Кроме того, за него хлопотали. Он уже показывался везде.

Анатолий стоял у рампы переднего ряда, разговаривая с первым попавшимся соседом (он всегда так был фамильярен). Сосед этот, московский юноша, был счастлив, что в виду всего театра говорит с львом московским. Анатолий стоял с тем добрым, веселым и спокойным совестью видом, который показывал, однако, что он знает, что большинство дамских биноклей, хотя и стараясь скрывать это, обращено на него. Он весьма мало был занят и тем, что на него смотрели (он привык), и тем, что рассказывали по «театру» новости из Петербурга о смене Сперанского и верной войне, и даже тем, как распушается эта тонкая (французская) комедия, которой он видел только 2-й акт; он думал о ножках в розовых башмачках актрисы и о том, куда бы поехать выпить после театра. В это время по первому ряду, шагая всем через ноги, как через кусты, и не глядя на них, подходил² к нему Долохов в своей оригинальной черкеске.

— Здорово. — Анатолий улыбнулся своей доброй, глупой и твердой улыбкой.

— Вот говорил с ним, — он сказал про московского юношу, которого видел в первый раз, — куда бы поехать выпить. Поедем к (Jogans?) и его возьмем, а оттуда махнем к цыганам.

Долохов убийственно посмотрел на юношу: он строже и разборчивее был к знакомствам. Человек должен был быть выше его в «общественном» мнении, чтобы он был [«ласков»]³ равен. Он отвел его.

⁵ На полях: *Песенники отличные. Скука поэтическая. Мечты, перебор домашних дел. Решимость Сони. Брак на княжне Марье, богатство. Награды, досада. Охота, собака. Письмо от матери.*

¹ На полях: *Анатолий был добрый, славный малый, Наташа пишет князю Андрею, что она [любит] готова и ждать не может.*

² *подходил* написано по слову *проходил*.

— Нет, брат, поедem к Ахросимовым, я обещал тебя привезть.

— А, это та, которой ты сказал, чтоб она убежала с тобой — тогда женишься? Ха, ха, ха, это отличная штука. Что же, не хочет?

— Да, я обещал. У них будут Ростов старик с дочерью, вон, в 3-й с правой стороны³.

— Эта в локонах — [славная] *jolie femme, charmante petite*⁴, — сказал Анатолий. Он не мог говорить иначе, как по-французски, о женщинах.

— Я не нахожу.

— Да, знаю, ты в ту был влюблен, в маленькую, худенькую. — Долохов нахмурился.

— Не говори об ней, — сказал.

— Ха, ха, ха, — засмеялся. — Вот не знаю, где такие женщины, *qui ne veulent pas de nous, quand nous voulons d'elles*⁵.

— Я тебе говорю — цыганки.

— Поедем к цыганкам. А недурна. — Анатолий смотрел на Наташу, которая, действительно, с отцом сидела в 3-й ложе. Наташа видела, что Анатолий и Долохов смотрели на нее, и она смеялась, говоря что-то отцу, и не смотрела на них, но лицо ее светилось уже тем блеском и прелестью, которое придавало ей восхищение других. Восхищение усиливалось, и прелесть усиливалась. (Она знала, что Анатолий и Долохов были львы Москвы; ей обещала обоих показать нынче вечером Жюли, и Наташе досадно было, что они не обращали на нее внимания.) Теперь *cercele vicieux*⁶ установился между ей и Анатолием через весь театр.

— *Délicieuse cette petite*⁷, — сказал Анатолий и во время пьесы не смотрел на башмачки, а, повернувшись назад, на Наташу. Она, разумеется, только смотрела пьесу, ни разу не взглянула на него, но всё хорошеела, и Анатолий влюбился по-своему.

Марья Дмитриевна Ахросимова опустилаcь после смерти 3-х сыновей. Она молчала и только представляла своей фигурой. Жюли всё не выходила замуж. Хотя знакома была со всем миром и принимала уже сама.

Анатолий с Наташей встретились, как старые знакомые, не вследствие знакомства в Петербурге, а вследствие театра.

В Москве не чаи, как в Петербурге, а ужины. Победитель Анатолий. Они сейчас же усадились за стол. Старый граф о иллюминатстве.

Он поддается направлению времени, с Марьей Дмитриевной. [Зовет] Подошел к Анатолию.

— О чем вы, о доме в деревне? Вот приезжайте, посмотрите⁸.

Nicolas по другим деревням. Май. Старый граф: «И зачем ты привез его?» Соня караулит. Соня проснулась рано, Наташи не было. [Наташа возвращается] Бежит искать. В саду встречается Наташа счастливая, бросается ей в объятия. Анатолий идет.

Наташа. — Нет не могу. Он меня любит. Я люблю его⁹.

Соня. — Но что же было? Когда же он объявит?

Наташа. — Ах, ты ничего не понимаешь. Он не может. Его отец.

Соня. — Да, что же его отец? Твой не хуже его.

Наташа. — Ах, не говори, коли ты хочешь моего счастья. Вечером я пойду с тобой, Соня. Я всё переговорю с ним.

Соня плачет. — Наташа, что ты делаешь? Вспомни об Nicolas.

³ На полях: *Письмо княжны Марьи о брате. Он совсем переменялся и поехал служить к Кутузову. Маленькая Ростова. Напрасно вы думаете, что отец не пускает меня, — я счастлива маленьким Коко.*

Письмо Жюли, Берт garçon très distingué «вполне порядочный» женится. Ростовы расстроены. Марья Дмитриевна несчастлива, братья убиты.

Ростовы ищут места и продают дом.

⁴ хорошенькая женщина, прелесть.

⁵ которые не хотят нас, когда мы хотим их.

⁶ заколдованный круг

⁷ Эта девочка очаровательна

⁸ На полях: Анатолий, как милость делает, признает, что у нее для него достаточно хороша нога. С женщинами даже не глуп.

⁹ На полях: *Целуются под (шляпу?)*.

— Мне никого не нужно, я никого не люблю, кроме его. А ежели я его люблю, то он благороден.

Соня.— Наташа, друг мой, [Вспомни Андрея, как ты будешь раскаиваться] это злое чувство; когда любишь, то добр, а ты сердита.

Наташа.— Нет, душенька. Дай мне счастья. Я не знаю, я так счастлива.

Соня.— Вспомни отца, мать.

Наташа.— Не говори, молчи.

Соня.— Так что же ты делаешь, ты губишь себя. Я говорила с ним, он неблагороден, он погубит тебя.

Наташа.— И погублю, погублю, поскорее погублю себя. Так надо, видно.— Она убежала к себе и написала Андрею: «Я люблю другого. Я отдалась ему. Это Анатолий Курагин»,— и она послала письмо.

— Я не понимаю тебя.

Она после обеда. Анатолий спит, бежит к нему. Требуется объяснения.

— Я не могу жениться. Но, коли вы хотите, дайте мне переговорить с ней еще раз.

— Я вам говорю, поезжайте сейчас же, сейчас же, или я сию минуту скажу графу и напишу брату. [Анатолий при ней сел и поехал] Вы губите, неужели в вас нет человеческого чувства любви к матери, к сестре.— Она заплакала, у Анатолия не было этого чувства. Но она поверила, что оно могло быть. Он заплакал и уехал.— Наташа рыдала, не ела, приняла яд [Вскоре (после?)] и обожала Анатолия.

Вскоре после этого было получено письмо от Nicolas, он ехал из минской деревни и встретил полк. Он не может оставить отечество в опасности, враг перешел границу. «Всё равно я оставил бы вас. Теперь меньше горя. Отечество прежде интересов. Дом продается, и всё поправится. А коли Россия погибнет, то ничего не нужно. Россия погибнет, а я буду считать приказчиков, я умру от позора».

Князь Андрей возвращается из Крыма и узнает измену Наташи. Озлобление на весь мир. Столкновения с отцом в отделенном имении.

В Москве ездит по гостиним и злословит.

Конец 3-й части

1812 год

В Москве видит Риегга, упавшего и собирающегося ехать к Ростовым.

1-я часть. Петербург. Москва. Деревня.

За границей, Петербург, Москва, Аустерлиц.

2-я часть [Обед в клубе и Тильзит], смерть.

Заочное сватовство Nicolas. Юродство княжны Марьи и говенье Наташи. Старик желает смерти — так уж всё неясно стало.

Москва, в Смоленске Долохов жжет. В Москве в собрании.

№ 28

Убежала к себе и написала письмо князю Андрею: «Вы просили меня написать вам, [что] когда я полюблю другого, я полюбила. Прощайте». Она запечатала это письмо и отослала его на почту. Другое письмо она написала Анатолию, в котором умоляла его приехать за ней ночью и увезти ее, потому что она не может жить дома.

Это письмо Соня [успела перехватить] перехватила у горничной и вместо его написала другое от себя: «Ежели завтра вы еще будете в Москве, то знайте, что графу [известен ваш поступок] всё известно, и что вы отдадите тяжелый отчет перед ним и другими в ваших поступках... С. (Деянова?)».

[Кроме этого письма Соня, отыскивая везде помощи, всё рассказала приехавшему на другой день Риеггу и умоляла помочь ей.] [Кроме этого письма Соня, отыскивая везде помощь, всё написала Риеггу, послала с нарочным письмо, в ко-

гором было написано: «Не зная, к кому обратиться и зная вашу любовь к князю Андрею и к моей кузине, прошу вас приехать как скорее».

На другой день Анатолий уехал из Москвы, а через 2 месяца на обратном пути в Россию князь Андрей получил письмо Наташи.] Кроме этого письма Соня, отыскивая везде помощь, написала Pierru, в котором она писала: «В нашем доме случилось страшное несчастье. Наташа написала отказ вашему другу. Она [говорит] страстно влюблена в Анатолия Курагина, который предлагает ей свою руку. Но этот молодой человек поступил с ней низким образом, он обманул ее, не решась сказать ничего графу. Ради бога, помогите мне. Спасите Наташу и удалите Курагина»¹.

В продолжение двух дней² [во время которых еще не приезжал Pierru] Анатолий не ездил в дом, но был в Москве. Наташа находилась в иступленном состоянии отчаяния. На вопросы отца [и матери] она ничего не отвечала, но, наконец, она сама пришла к отцу и рассказала ему всё,— что отказала Андрею, что любит Анатолия и что Соня прогнала его из дома. Граф Илья Андреевич [не знал] ничего не понимал. Как ему ни горько было отказаться от Болконского, который был ему по сердцу, горше всего ему было видеть горе дочери, и он тотчас решился поехать за Анатодем, как за игрушкой, которую требовала дочь. Но чтобы прежде объяснить себе Соню, он позвал к себе Соню и строго спросил ее, как она могла так оскорбить сестру. Соня рассказала свое объяснение с Анатодем. И граф Илья Андреевич пришел в бешенство, которое редко на него находило.

— Как! Моя дочь ему не хороша! Как играть со мной! Эй, лошадей, сани! — И он, не отвечая ничего дочери и приговаривая только «будь покойна, будь покойна», пошел садиться. Он поехал в дом Безухова³. Анатолия не было дома. Граф спросил Pierru и вошел к нему. Pierru лежал ногами на столе и спокойно читал, когда ему доложили о приезде графа. «Нет, не буду ездить к ним — не следует», — подумал он.

— Проси.

Но, не дожидаясь доклада, граф, расклевываясь, вбежал к нему. Pierru ужаснулся, увидав лицо графа. Это одутловатое доброе лицо было красно, глаза были на выкате и волосы растрепаны.

[— Где он подлец! Я его избью, — кричал граф, — давайте его мне! Шутить! Не-ет!]

— Что с вами, граф, — заговорил, вскакивая, Pierru, — что с вами?

— Где ваш зять? Ваш шурин подлец, с которым я разделаюсь по-свойски.

— Что такое, что?

— Что? Он ездил в дом, он завлек мою Наташу, и он думает... и говорит, что он женат. Ежели вы благородный человек, Петр Кириллович, то вы дадите мне удовлетворение. Как это у вас делается, дуэль. Ну, дуэль — я убью его.

— Да успокойтесь, граф, верьте, что я... я не понимаю.

— Вот вам всё. Наташа 3-й день плачет, нынче узнаю, что этот мерзавец ездил в дом, обещал жениться. Наташа отказала Болконскому.

— Не может быть!

— Не может быть? Отказала. А он женат, говорят. Она влюблена в него.

— Ах, боже мой, боже мой! — заговорил Pierru, хватаясь за голову. — Одно, граф, знайте, что я... предан вам и всему семейству вашему, как никому. Его нет, он уехал, но я нынче объяснюсь с ним, и не вы, а я с ним разделаюсь. Да, — Pierru бледнел, когда говорил это. — Я виноват, поезжайте домой. Я буду у вас вечером.

Когда Ростов уехал, Pierru долго ходил по своему кабинету, ожидая Анатолия, о котором он велел доложить себе. Ему и не надо было ходить за ним. Анатолий сам пришел к нему. Ему нужно было ехать и надо было занять денег у зятя.

¹ На полях: Андрей, получив письмо, уехал в Турцию.

² Перед этим в начале листа был конспект: История узналась. Старый граф приехал к Pierru, прося его быть секундантом. Pierru бьет Анатолия и гонит его. Ростовы уезжают в деревню. На другой день приехал Андрей. Pierru получает письмо в деревне, пока Ростовы.

³ На полях: Князь Андрей в Швейцарии ходит по горам, решает ехать назад.

— Mon cher, il faut que vous me prêtiez 2000 (roubles) ⁴,— сказал он, входя румяный, красивый, уверенный в себе, как всегда.

— Что у тебя было с Ростовой?— закричал [на него] Pièrre, бледный подходя к нему.

— [Ах] Charmante! ⁵ — сказал Анатолий.— Ей богу, женился бы, ежели у ней было что-нибудь.

— Что у тебя было с ней?— закричал Pièrre. [тряся его за руку] — Ты понимаешь, что ты палыца ее не стоишь, а ты компрометируешь ее. Ты понимаешь ли?— заговорил Pièrre, тряся его за руку.— Правда ли, что ты обещал на ней жениться?

— Ну, ну,— сказал Анатолий, отстраняясь и хмурясь.

Этого только ждал Pièrre. Он не владел уже собой, он схватил его за плечи, перевернул и ударил в шею таким страшным ударом, что Анатолий упал и до крови разбил себе лоб. Вид этой крови совсем одурманил Pièrre'a. Он еще, еще наносил ему удары, выталкивая за дверь, и, захлопнув дверь, бледный, схватился за голову.

— Я к вашим услугам всегда,— закричал он, отворив дверь. [Вечером этого] Княжна услышала крик [услыхала, что Pièrre] и прибежала к Pièrre'у. Он хрипел и задыхался. Послали за доктором и пустили ему кровь. К вечеру он велел заложить карету и поехал к Ростовым. [Откуда] Соня встретила его в зале и рассказала ему всё.

Наташа не выходила из комнаты и не плакала, а сидела молча, устремив прямо глаза, и не ела, не спала, не говорила.

Pièrre пошел к графу и объяснил ему, что Анатолий мерзавец, с которым он разделается, а граф не должен себя компрометировать, что дело зашло очень недалеко, что графиня Наталья Ильинишна ⁶, вероятно, забудет это минутное увлечение и не откажет Андрею, что надо переговорить с нею и послать эстафету перехватить письмо.

Pièrre пошел к Наташе. Она поглядела на него сухо и не улыбнулась. Pièrre не знал, как и что начать говорить. Соня первая начала:

— Наташа, Петр Кириллович всё знает, он пришел сказать тебе...

Наташа оглянулась радостным взглядом на Pièrre'a, как бы спрашивая, друг он или враг.

Pièrre [вдруг] начал говорить:

— Наталья Ильинишна, я сейчас виделся с ним и говорил с ним.

— Так он не уехал?— радостно вскричала Наташа.

— Нет, [но уедет] но это всё равно для вас, потому что он не стоит вас. Он не может быть вашим мужем. И я знаю, вы не захотите сделать несчастье моего друга. Это была вспышка, минутное заблуждение, вы не можете любить дурного, ничтожного человека.

— Ради бога, не говорите мне про него дурно. Он лучше всех вас [и Болконского не поминайте].

Pièrre перебил ее.

— Наталья Ильинишна, подумайте, счастье ваше [вашего?] и моего друга зависит от того, что вы решите. Если не поздно. [Напишите ему]

Наташа усмехнулась ему: «Разве это может быть, и разве я думаю о Болконском, как он хочет».

— Наталья Ильинишна, он ничтожный, дурной...

— Он лучше всех вас,— опять перебила Наташа.— Если бы вы не мешали нам. Ах, боже мой, что это, что это, уйдите! — и она зарыдала с таким отчаянием, с которым оплакивают люди только такое горе, которого они чувствуют сами себя причиной. Pièrre ушел. Анатолий [не вызывая его на дуэль] уехал в ту же ночь в Петербург. Как ни старались все участвовавшие скрывать всю эту историю, через неделю по всей Москве говорили [о ней] по поводу ее самые [неправо] несправедливые толки.

⁴ Милый мой, одолжи мне 2000 рублей.

⁵ Прелестна!

⁶ В автографе здесь и далее было ошибочно: Н. А. (прим. составителя).

№ 29

Ростовы продолжали жить в Москве всем семейством, ждали каждый день Nicolas, которому было написано, что его присутствие необходимо, что ему надо выйти в отставку для того, чтобы заняться делами. Продажа дома в Подмосковной всё оттягивалась от беспечности графа. Уже всё говорило о войне с Наполеоном¹. Граф Растопчин был назначен главнокомандующим в Москву, и слышно было, государь проехал в Вильно к армии. Все военные, все мужчины, Борис, Анатоль, Долохов были при армии, и в Москве было пусто, и много веселились. Но Ростовы мало ездили в свет и мало принимали не оттого, что дела шли хуже, а оттого, что Наташа, к удивлению родителей, сказала им, что она отказала князю Андрею и что ей скучно ездить на балы. Она целые дни проводила одна в своей комнате, ничего не делая, не читая, не поя, не играя. Она очень побледнела и похудела. Призываемые доктора предписывали ей рассеяние, но она не хотела переменять своего образа жизни. С Соней она была ласкова, но никогда не говорила ни о Андрее, ни о Анатоле и сердито плакала, когда ей напоминали о том, другом. Она редко оживлялась только с Петей, который готовился к университету и которому было теперь 15 лет, и с другим, старым Петей — Риеггом, который часто эту зиму ездил к ним и с которым она [раз два серьезно и со слезами говорила о князе Андрее, о своем отказе ему, о том, что она не может] оставалась в веселых шуточных отношениях. Риегге сказал ей раз постом, что он на днях ждет в Москву своего друга князя Андрея, не нужно ли ей что-нибудь передать ему.

— Ах, нет, ничего, нет, не говорите ему, что вы со мной видите.

№ 30

Раз два видеv Наташу с Анатолом, он удивлялся, какое удовольствие могла с ним находить Наташа, но он так верил в нее, что не смел сомневаться, говорил себе: верно, я не понимаю, а так надо. Он ничего не воображал до объяснения Сони. Когда Соня стала рассказывать, он выставил глаза и сначала улыбался. Всё, касавшееся Наташи, должно было быть приятно и весело. Но улыбка мало-помалу перешла в плаксивую гримасу, и когда на вопрос его, чего же она боится, Соня со слезами закричала:

— Как же вы не понимаете, граф, они целуются — она погубит себя, она это то хочет... [Услыхав] сказав это, посмотрела на Риегга и, не веря своим глазам, увидела, что он плачет. Он извинился перед Соней за свою слабость и уехал домой, тотчас же отыскал Анатоля и тут между зятем и шурином произошла такая же сцена, как и тогда между тестем и зятем. Риегге в первый раз после 7 лет пришел в свое наследственное от отца львиное бешенство, но на этот раз он не удержался.

Когда он объявил Анатолю, чтоб тот уезжал сейчас же и чтобы он знал, что после его поступка с Наташей он не смел показываться ему на глаза, Анатоль сказал:

— Que diable sur quel ton le prenez vous, parce qu'on embrasse une jolie fille? ¹. Риегге, сжав кулаки, подошел к его лицу.

— Ты хочешь жениться на ней?

— Да, ежели бы у ней было состояние...

Но не успел Анатоль договорить этого, как Риегге с поднятыми кулаками бросился на него и стал бить его по голове и спине до тех пор, пока Анатоль, и не думая защищаться, не выбежал из комнаты. Анатоль уехал, тем более, что Риегге послал ему 10 тысяч и объявил, что до тех пор, пока он не покажется в Москве, он будет получать прежнюю пенсию.

¹ На полях: *Комета князю Андрею. 29 мая Растопчина назначение. 9 апреля государь выехал из Петербурга. 4 мая Кутузов подписал мир с турками.*

Всё всегда известно. И история Анатоля с Наташей была известна с прибавками клеветы всей Москве.

¹ Какого чёрта вы поднимаете историю из-за того, что я поцеловал красивую девушку?

Но этого подвига было мало. Риегге, который спорил с князем Андреем о том, что нельзя простить никогда падшую женщину, и не ставил себе вопроса, прощает он или не прощает Наташу. Она была всё та же для него. Только новый, грустный, матовый круг этой ореолы прибавился, это было сожаление. [Этого подвига мало] Риегге чувствовал, что надо было спасти Наташу.

№ 31

[Государь Александр с двором около месяца жил в Вильно. Та же давка тщеславных, корыстолюбивых интересов происходила около него точно так же, как в Петербурге.] Государь Александр с военным двором около месяца жил в Вильно. Так же, как и в Петербурге, давка тщеславных, корыстолюбивых интересов происходила около него. Точно [так же] с теми же чувствами ходили люди по улицам Вильно, с которыми они ходили по Морской, по Невскому. Точно с теми же надеждами, завистями и желаниями. С маленьким оттенком национального различия толпились поляки и полячки на балах и приемах государя и великого князя¹. 11 июня в Вильно было гуляние. В с иголки новом мундире [с вензелями на эполетах, с той особенностью] с одним эполетом и аксельбантом, с той гордой и спокойной особенностью придворного молодого человека, для которого мир существующий ограничен весьма малым количеством придворных людей, шел по главному гулянию Вильно между рядами Борис Друбецкой и подходил к остановившимся коляскам знакомых дам. Великолепный польский цуг серых в коляске, в которой [стояли] сидела [под] [в шелку и бархате] [шелку и кисее] в шелку и кружевах Hélène на самом видном месте, [Борис], окруженная генерал-адъютантами и графами польским и русским, Борис, не соображая своих прежних отношений к Hélène (все эти соображения не могли иметь места для светского человека. «Une femme du monde² — она, un homme du monde³ — я, все, что

№ 32

а. Князь Андрей после [своего]. [подробностей измены Наташи] пребывания в Москве, где он узнал подробности сношений его почти невесты с Курагиным, не жил. Ничто его не интересовало, не радовало, не огорчало: ни вступление неприятеля в Россию, ни свидание с отцом, с сыном. Он и не думал [о Наташе] о госпоже Ростовой, ее не существовало для него. Он чувствовал только рану, такую большую, что он ни о чём¹, кроме о боли, не мог думать. Одно только ему хотелось — это увидеть его и убить его. Этого ему хотелось, как хочется раненому расчесать свою рану. Это не нужно, не поможет, но нельзя удержаться. Перед отъездом в армию, куда он был назначен по рекомендации Кутузова состоять при штабе военного министра Барклая де Толли², он заехал в Лысые Горы, которые были на Смоленской дороге³.

¹ На полях: *Анатолий и Борис. Анатолий подходит к сестре и говорит: «А знаешь, мне кажется, я скверно поступил».*

² светская женщина

³ светский человек

¹ В автографе: *ничем* (прим. составителя).

² На полях: *С этим планом он поехал в Турцию.*

³ На полях конспект:

1) Дрисса

2) Ростов к удивлению храбр в (Островно?)

3) Долохов зажигает Смоленск — Божья мать

4) Наташина (молитва?) Азросимова

Дворянское собрание

Крикун Глинка фальшивый патриот

5) Старый князь умирает. Княжна Марья вооружает

6) Бородину. Князь Андрей. Наташин отъезд

7) Pierre в Москве. Nicolas Ростов. Княжна

8) Pierre в Москве.

У отца было все по-старому, но только значительно хуже, чем прежде. Страдания [и мучения] княжны Марьи становились невыносимы для нее, она всё переносила и ничего не сказала брату, но [даже для посторонних, для людей] Лавер, старый дядька князя Андрея, не боявшийся ничего сказать своему барину, уложив его в первую ночь спать во флигеле, расставив ноги, с свечой в руке оставился.

— Постарели князь, очень постарели.

— А что?

— А и люди говорят, да и сам я видел, всё в гневе, в гневе. [Воля ваша, наше дело холопское, а и люди говорят, да и сам я видел, нашей матушке княжне жить так нельзя. Хоть бы вы батюшке, князь, сказали] Добро, прежде они изволили выходить, и Алпатыч подвернется и ахтитехтур, всё на них злобу выместят, а нынче, как никуда не выходят, всё одна княжна отвечают. [Князя Андрея поразило, что Лавер имел такой же, как и он сам, взгляд на господское сердце. Он кивнул ему головой и промычал: гм, гм. Лавер ушел. Князь Андрей не хотел вмешиваться в дела сестры. Он видел, что ее замучивает отец.] Жалкое их житье.

Князь Андрей промычал что-то и кивнул ему головой. «А разве он и сам, отец, разве не мучается,— подумал князь Андрей,— разве кто-нибудь на свете, кроме животных, не мучается? Всё это так должно быть. Нечего говорить. Завтра еду посмотреть, как в армии мучаются хорошие люди и торжествуют, наслаждаются животные».

Но на следующее утро отец, уже имевший прежде прихода князя Андрея столкновение с дочерью за то, что она не пришла к нему с Коко поутру, тогда как он [вечером] никогда не велел ей приходить без зову, отец о первом стал говорить с ним о дочери. Он [жаловался Андрею] говорил, что [она на] ежели он болен, то только от нее, что она нарочно мучит и раздражает его, что она баловством и глупыми речами портит маленького Коко. [Чего хотел старый князь, жалуясь на дочь? Он только] Хоть бы оставила Бурьен, а сама бы вышла замуж, я не держу, или в монастырь, она любит.

Чем дольше он говорил, тем больше разгорался и тем убедительнее для него самого становилось, его безвинность в отношении княжны Марьи и все ее вины в отношении к нему. Сын ничего не мог сказать.

6. Князь Андрей, возвратившись из Швейцарии с *instituteur*⁴ в деревню, получил письмо Наташи и, ничего не сказав сестре, тут же решил поступить в военную службу и ехать в Турцию. В Москве он был проездом, уже получив назначение в турецкую армию. Когда до Букарешта дошли слухи об объявлении войны Францией, князь Андрей перешел опять в западную армию, куда он по протекции Кутузова был назначен к штабу Барклая де Толли [опять]. Перед прибытием к армии он заехал в Лысье Горы.

7. Князь Андрей, возвратившись из Швейцарии с *instituteur* в деревню, получил письмо Наташи и, ничего не сказав сестре, поехал в Москву, чтобы узнать подробности и увидеть, т. е. убить этого господина — он [так же твердо знал, что он должен убить и убьет его, как и то, что он был] не мог называть его имени, но он твердо знал, что он должен убить и убьет его. В Москве, увидавшись с Риегг^{ом}, Андрей решил, что ее не существует, а что его надо поскорее убить.

Случилось, что Курагин уехал в турецкую армию. Для князя Андрея это было очень кстати. Самому ему надо было что-нибудь делать. Он подал прошение о вступлении опять в военную службу и поехал в Турцию в штаб Кутузова. Приехав в Турцию, случайно или потому, что Курагин узнал о приезде князя Андрея, но Анатолий ни разу не встретился ему и уехал в Россию. Князь Андрей отпросился в Россию и, приехав в Москву, узнал о предстоящей войне и о том, что Курагин опять в армии при генерале Витгенштейне. Опять это было кстати, и князь Андрей получил место при Барклае де Толли и поехал в армию. По дороге он заехал в Лысье Горы, которые были на Смоленской дороге.

У отца было все по-старому, но только значительно хуже, чем прежде. Отец впадал в страшную ипохондрию. Он порастил сына тем, что почти ничего не го-

⁴ учителем

ворил с ним об общих делах, а только жаловался на всех людей, сговорившихся отравлять его жизнь. Княжна Марья была грустнее обыкновенного. Он говорил, что ежели он болен, то только от нее, что она

№ 33

В то время, как это происходило в главной квартире, в так называемой глубокой армии, в которой служил Ростов, очень мало заботились об общем ходе дел и чем дальше отступали в глубь России, что бы должно было так огорчать верных сынов России, тем меньше об этом думали и говорили¹. Так устроен хорошо военный человек, что чем хуже общее положение, тем меньше о нем думают и тем больше доверяют начальству. Витебск уже был оставлен, а полк, в котором служил Ростов, ни разу не был в деле, и все-таки гусары были очень веселы и заняты не общим ходом дел, а вопросом [счета] срока новой трети жалованья, попойки, маркитантом [и его свояченицей]. [Ростов получил письмо родителей в [Виленской губернии] Вильне, куда он в отпуск ездил из полка. Он было собрался ехать, но [по дороге встретил полк и] полк уже был в походе.] Ростов перед открытием кампании получил письмо от родителей, в котором его умоляли выйти в отставку и приехать домой тогда, когда уж полк был в походе и государя ждали в армии. Он и не попытался проситься в отпуск, а написал родителям письмо, в котором говорил, что дела могут еще поправиться, но что, ежели он теперь уедет от этой великой готовящейся войны, то он навсегда потеряет честь в своих собственных глазах, чего уже нельзя будет поправить. Соне он писал отдельно: «Обожаемый друг души моей. Нынешний поход будет последний. Жди терпеливо и верь в мою вечную, неизменную любовь. После этой войны я бросаю всё, беру тебя, ежели ты всё будешь любить меня, и мы зароемся в тихое уединение, живя только для любви и друг для друга. Это последнее письмо мое. Следующее будет свиданье, когда я, как невесту, прижму тебя к моей пламенной груди». Nicolas, хотя и с старым оттенком романтизма, оставшимся в его тоне (но уже не в характере), писал то, что он искренно думал. После последней зимы с Наташей в Отрадном Nicolas много переменился. Он прежде был разочарован, теперь он успокоился в своем разочаровании, увидал, что кроме великих подвигов героизма, кроме всесветной славы, кроме небесной любви, соединяющей души, есть много хорошего и радостного на земле, добрые товарищи, (1 *краз*) веселье, [выпить во время и в пору] охота, спокойная жизнь и добрая, верная [преданная] и милая жена и, сверх того, сознание, что я честный и благородный человек. Всё это было хорошо. И, странное дело, как только Nicolas, отрекшись от искания восторгов своей юности, все эти простые и честные блага жизни сами давались ему в руки. В полку ему стало еще легче и веселее после его отпуска. В его отсутствие он был произведен в ротмистры, и ему дан был эскадрон. Начальство, товарищи и солдаты наперерыв высказывали радость его возвращению. Дело управления эскадроном, служба²; отношения с товарищами, подчиненными и начальством пошли неожиданно легко, с тех пор как он видел только то, что было, не ища ничего дальше. [В войне уже он давно перестал] В войне он перестал видеть блестящие атаки и гарцованья, уже понимал значение слов, помня свою шенграбенскую атаку и фридландскую бойню. Он знал, что на войне золотые шnurки, тапки и фразы ни к чему не нужны, а нужно терпение и спокойное перенесение трудов [и], неприятностей и страха, и готовился на это. Он уже, как старые офицеры, слушал всегда молча рассказы о подвигах героических с тем чувством, что, хотя в глубине души он и знает, что этого не могло быть и что это всё вздор, но что все-таки,

¹ На полях: *Nicolas разочарован в войне. Маркитант и его (жена?), танцы в корчме. Ясный день, наслаждение пьюль, молотьба.*

Наполеон со своим войском быстро двигался дальше и дальше в Россию, разрезывая наши две армии. Как в той, так и в другой армии были авангардные дела, но ни одного большого сражения. Ростову в первый (раз) случилось быть в деле под (Острово?).

² На полях: *Бурая (казацкая?) большая лошадь. Рубай их в песи.*

Здесь же на полях рукой Толстого арифметические вычисления — умножение больших чисел (прим. составителя).

бог знает, может, и правда и все-таки не следует сомневаться в истине геройства, клонящихся к возвышению духа нашей армии. Так, в недавнее время, когда его полк уже был [около Дриссы] на Двине, слушая рассказ про дело при Салтановке и (древнее?) геройство Раевского, поведшего на плотине 2-х своих сынов в атаку, он упорно молчал, не восхищался и не повторял этого рассказа. Ему, во-первых, не нравилось, зачем Раевский повел сыновей под пули. На плотине Салтановской не решалась судьба отчества, как у Муция Сцеволы. Потом ему неясно было, с какой целью он их повел. В путанице, которая должна была быть на плотине, 10 солдат, которые могли видеть и слышать Раевского с сыновьями, и от этого ничего лучше не было.

Вспоминая свои прежние военные действия, он признавался себе, что всякий раз он был не в себе и просто трусил. «Теперь этого не будет,— думал он.— Теперь я командую, а потом, главное, сколько ни трусь, всё то же самое, попробую не обращать внимания. Хорошо, что ни разу не заметили. А как осрамишься, да не убьют. Нет, теперь не обращаю ни малейшего внимания, буду, как на ученьи. Да и нельзя, надо вести эскадрон». Вследствие ли этих рассуждений или рассуждение это пришло Nicolas вследствие того, что ему надо было вести эскадрон, но 13 июля в первый раз, как павлоградцы пошли в дело, Nicolas к удивлению своему во всё время дела не чувствовал ни малейшего страха.

12 июля, ночь накануне дела, несмотря на страшную бурю, гусары провели очень весело. Полк стоял биваками в поле просто среди ржаного, желтевшего, но выбитого до тла поля. Дождь лил ливнем, и прикрыться было негде. Один из офицеров нашел пустую корчму. И все офицеры ввалились за ним. Состав офицеров уже был совсем другой. Давно Денисова не было, Кирстен был убит, [но все были другие, но всё такие же] но хотя офицеры были другие, дух офицерского общества был совершенно тот же, как и прежде. В полку был молодой доктор, женившийся на немке в Польше, он тоже забрался с женой в корчму. И все до одного офицера влюбился тут в корчме в немку, грели и сушили ее, зажигали угли на окнах, играли с ней в короли, и з...³ должен был идти за дровами, а король имел право поцеловать ручку. Ростов уже был такой офицер, что, когда он остался з..., его не пустили, а за него пошел влюбленный в него корнет Ильин, ручку же целовал ему дали, даже и без (выигрыша?)⁴. Несмотря на то, что доктор притворялся очень довольным, но, наконец, нашел, под самым пустым предлогом увел свою жену под дождь в кибитку. Веселый, безвредный, беспричинный хохот [почти] без помощи вина, (потому что имелась только одна бутылка кислого вина) потому что ничего не было пить в этот вечер, звучал всю ночь до 3-го часа утра. Некоторые легли, укрывшись мокрыми (шинелями?), но вскакивали [с постели], хохотали [плясали], пугая корнета тараканами, и смеялись, как дети.

В эту ночь было приказано в 3-м часу выступать к местечку (Островно). Отрядом командовал граф Остерман. В ночь была гроза и страшная буря, но к утру [стало], в 3-м часу летнего утра, тучи разорванными хлопьями бежали по небу, и мокрая, серо-зеленая, выколосившаяся, мокрая рожь волновалась скучно и уныло. Овес зеленый, только что (высочивший?) в трубку, подрагивал от ветра. Большая дорога с ракетами по сторонам, как аллея, поросла низкой зеленой травкой, которая, на зло (срывающему) выбивающим гуртам и обозам, так и лезла под дождями лета. По дороге встречались обозы и один гурт скота для армии. (Видно, неприятель далеко). Обогнали одну роту артиллерии, стоявшую на дороге. Nicolas ехал в стороне промежду ракеток с двумя офицерами: один — товарищ прежний, Перонский, другой — не отстававший от него [корнет], влюбленный в него корнет Ильин. Они весело болтали о прошедшей ночи. Nicolas сам удивлялся своему спокойствию, подходя к делу. Как будто будущее до него не касалось. Он думал, что это происходило от него самого — от умных правил, которыми он себя успокоил, в сущности [это было только] перемену эту произвело в нем только время — возраст и всегда с возрастом совпадающее повышение

³ Так в автографе.

⁴ На полях: Докторша сияла. Nicolas понял, что французы тоже боятся русских. Собака лаяла. Огого.

в чине и звании — эскадронный командир. С Nicolas произошло то, что может наблюдать [за собой] каждый за детьми, которые учатся, — учитель. Есть знания, которые уссовершенствуются и которые признаются только временем. Мальчики начинают учить дробям (большею частью это замечается на дробях); мальчик, хорошо учивший 4 правила, мучается, бьется; учитель пробует различные приемы и решает, что мальчик дурак, он ничего не понимает; проходит время, год или около года, у мальчика мозг вырос до дробей, и он не верит, чтобы когда-нибудь ему могло казаться это трудно. Или вы играете на фортепьяно и оставили, плохо разбирая ноты; прошли года, вы садитесь за фортепьяно и читаете гораздо лучше: пришло время. Так для Nicolas пришло время спокойно переносить опасность. Ему жалок был корнет, особенно веселый и взволнованный. Nicolas видел, что корнет трусил и скрывал так, как сам он делывал это прежде [как чувствовал]. Nicolas чувствовал иначе и вид имел другой [он уже]. Прежде [он] Nicolas портил сам себя своим беспокойством, теперь корнет любовался его небрежно-спокойным и изящным видом и каждым движением, когда он либо обрывал листья ракиты, либо дотрогивали тонкие ноги⁵ до паха лошади, либо отдавал, не поворачиваясь, докуренную трубку ехавшему сзади гусару.

Только что солнце стало выходить на чистой полосе из-под тучи, как ветер стих, как будто он не смел портить этого прелестного после грозы летнего утра. Капли еще падали, но всё затихло, птицы запели, и Nicolas указал на баранчика, который высоко где-то гоготал в воздухе.

— Коли простои́м тут, надо будет сходить в это болото, — сказал Ростов, не притворяясь, а искренно думая о болоте. Он сам себе удивлялся, как он не то-ропился, как он не думал о будущем [до тех пор (пока?)], даже и тогда, когда впереди к Витебску послышался гул орудий. Даже тогда, когда прискакал адъютант графа Остерман-Толстого с приказанием идти на рысях по дороге, Nicolas не думал ни о чем, как о том, чтобы эскадрон шел в порядке. Просторно и спокойно у него было в этот день в голове. Оттого ли, что он не доспал, он чувствовал себя нынче глупее и нечувствительнее обыкновенного. Вспоминая нарочно о Соне, о доме, он был равнодушен, [ничего не] не возникало у него 1000 мыслей вследствие каждого впечатления; напротив, он ни о чем не думал и чувствовал, что он живет одной животной жизнью и имеет только настолькоь сообразительности, [ума] чтобы распорядиться эскадроном, на что нужно едва ли какие-нибудь душевные способности.

Во всё время этого так называемого блестящего сражения при Островне, во время которого Наполеон полагал, что русские принимают генеральное сражение, Ростову с эскадроном два раза пришлось быть в так называемом жарком деле, но он всё время находился в своем полусонном, животном, охотничьем состоянии, ничего не боясь и только соображая удобства своего эскадрона. Когда они пришли на рысях к левому флангу, то тотчас были пущены в атаку против французской цепи. Ростов теперь уже не желал для своей сабли поестъ вражьего мяса, не скакал стремглав, ничего не видя, а ехал, ровно прибавляя, объезжая неровности местности и равняя вытянутый эскадрон. К удивлению его, цепь, далеко не дождавшись их приближения, побежала, и гусары одного совершенно напрасно изрубили саблями, не до смерти, чего нельзя сделать саблей, но до крови и довольно больно, а трех взяли в плен. Возвращаясь назад рысью, так как навстречу им выехали французские драгуны, гусары проехали мимо графа Остерман-Толстого, который подозвал к себе Ростова и с особенным волнением, которого никак не мог понять Ростов, благодарил его за лихую атаку. [У Ростова убили одного гусара] Ростов не знал, что этот генерал был постоянно одержим страхом казаться трусом и что от этого страха он был всегда в сражении так взволнован и так храбр. Во время атаки Ростов совсем и не слышал выстрелов, а между тем два гусара были спешены, один ранен и один убит. И эскадрон Ростова был поставлен в заднюю линию за лейб-гусарами. Довольно долго они тут стояли, позавтракали, прислушиваясь к пальбе, которая всё разгоралась, и потом в 3-м часу увидели, что впереди их стоявшие лейб-гусары пошли влево, и видели, как они поскакали по

⁵ Так в автографе.

лугу. Потом видели, как они вернулись еще левее и за ними летели драгуны французские по долине. Французские драгуны остановились, проехавши линию ростовских гусар и, наткнувшись [назад] на русскую пехоту, шагом поехали назад.

— Вот бы пугануть-то их сбоку,— сказал один [солдат], стоявший в кучке офицеров,— они нас не видят.

Nicolas, находясь в своем сонном положении, понял, что это справедливо, что ничего не рискует наскочить на них, и, дальше не соображая, велел садиться и низом на полных рысях поскакал наперерез драгунам. Уже когда он ехал, он вспомнил, что распоряжается без приказаний высшего начальства. «Как бы не ответить», но было уже поздно. Он толкнул лошадь и с чувством, с которым несся наперерез волку, покотил (разумеется, вместе с эскадроном) к бугру, отделявшему его от долины, по которой шли французы расстроенными рядами. Когда он выскакал на бугор, французы были внизу в 50 шагах. Их лица видны были. Они застучались вперед, назад, но еще не успели принять одного направления, как Nicolas, выбрав себе одного [волка] на серой лошади офицера, пустился за ним. Добрая лошадь несла Nicolas под гору, как птица, прямо на офицера, только что пустившегося скакать. Лошадь Nicolas ударила грудью в зад лошади офицера, чуть не сбила ее с ног, но в то же мгновение Nicolas ухватил (*1 мрб*) перевязи офицера, [остановил] сбил его с лошади. Тут только Nicolas взглянул в лицо на своего врага, чтобы увидеть того, кого он победил. Драгунский французский офицер стоял на земле [отталкивая] одной ногой, другой держался, запутавшись в своем стремени. Он испуганно шурясь, как будто ожидая всякую секунду удара, смотрел снизу вверх на Ростова. Лицо его было бледно и пыльные волосы прилипли от пота. Но лицо, белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми голубыми глазами,— самое не для поля сражения лицо, а самое простое комнатное лицо. Еще прежде, чем Nicolas решил, что он с ним будет делать, вероятно, из запаса старых детских воспоминаний Nicolas закричал: «*Rendez-vous!*»⁶. И офицер, и рад бы, но не мог выпутаться из стремени и достать, чтобы отдать свою прижатую лошадью саблю. Подскочившие гусары взяли пленного офицера, и Ростов [верну(л)ся?]) поворотил к своему месту. Несколько драгун были взяты, другие ускакали. Впереди себя Ростов со страхом увидал опять Остермана. «Беда,— подумал Ростов,— и чёрт меня дернул, стояли бы на своем месте». Но, кроме этого страха, Ростов испытывал еще какое-то неприятное чувство, что-то неясное, запутанное, что открылось ему взятием в плен этого офицера, чего он не мог успеть объяснить себе.

Граф Остерман-Толстой не только благодарил Ростова, [но обнял] но объявил, что он представил государю о его молодецком поступке, будет просить для него георгиевский крест и будет иметь в виду, как блестящего храброго офицера. Хотя и неожиданны, но похвалы эти были очень приятны Ростову, и он бы был совершенно счастлив, ежели бы не мучало его что-то такое, чего он никак не мог объяснить себе. Он подъехал, еще посмотрел на офицера с дырочкой на подбородке и голубыми глазами, поговорил с ним, заметил его притворную улыбку и всё ничего не мог понять.

Весь этот день и следующие дни друзья и товарищи Ростова заметили, что он не скучен, не сердит, но молчалив, задумчив и сосредоточен. Он неохотно пил [и], старался оставаться один и о чем-то всё думал. Ростов всё думал об этом своем блестящем подвиге, который, к удивлению его, его чрезвычайно прославил (так случилось) и приобрел ему георгиевский крест, и всё ничего не мог понять. «Так и они еще больше боятся нашего,— думал он,— я их боялся. И что за глупость, и гораздо опаснее быть сзади, чем спереди. Так только-то и есть всего то, что называется геройством и подвигом за веру, царя и отечество. И разве я это делал для отечества? И в чем он виноват с своей дырочкой и голубыми глазами? А как он испугался! Он думал, что я убью его. За что ж мне убивать его? Ничего, ничего не понимаю».

Но пока Nicolas перерабатывал в себе эти вопросы и всё-таки не дал себе ясного ответа в том, что так мучало его, колесо счастья по службе, как это часто бывает, повернулось в его пользу. Его выдвинули вперед, дали ему батальон гусаров, поручили ему аванпосты, и тут он еще больше убедился в том, что чем ближе к неприят-

⁶ Сдавайтесь!

телю, тем безопаснее и выгоднее по службе. И Nicolas понемногу [втянулся] вошел в свою роль храбреца известного и не обсуждал больше всего того, что смутило его сначала, а, забыв даже эти сомнения, утешался своим новым лестным положением.

№ 34

Ростовы зажились всю весну и лето в Москве¹. Сначала задерживали дела, потом уж не к чему было. Pièrre жил также в Москве, во-1-х, потому что там не было его жены, во 2-х, потому, что нигде он не был более, как рыба в воде, как в Москве. в 3-х, потому, что тут жили Ростовы, у которых он бывал каждый день.

В 1-х числах июля было получено письмо Nicolas. Всё семейство в сборе сидело в кабинете графа. Графиня держала платок; граф весь красный сидел, держась за ручки кресла. [Наташа смотрела то на одного, другого блестящими глазами и хотела уйти и не смела]. Соня, с видимым усилием над собой, читала. Наташа, опустив глаза, смотрела то вперед себя задумчиво, то на Петю. Наташа теперь во всём, даже в письме брата, видела один свой стыд и горе. Слушая письмо брата, она думала о том, как он понимает ее разрыв с князем Андреем и узнает ли он когда-нибудь всё, что было. Петя с блестящими глазами, красный, оглядывался и особенно на Наташу. Пете было 14 лет, он готовился к университету, но ему яснее всех было, что он никогда не приготовится, потому что не только плохо учится, но забывает то, что выучит. Когда Соня прочла то место, в котором Nicolas говорил, что отечество дороже всего, старый граф засопел, как будто [сильный] [соль из стклянки] откупорили стклянку с укусной солью над самым его носом, и графиня, видимо, решительно не понимая, что такое значило отечество, одобрительно покачала головой.

Да, он прав, он прав, главное,— сказал граф, целуя руку плачущей жены.— Что делать, такое время. Я горжусь им. Отечество... Граф не договорил. Слово отечество было привычно непреодолимо трогательно для него.

— Нет, он не жалеет меня,— сказала графиня.

— Маменька, уж в скольких он был сражениях, а я так знаю, что он останется жив,— сказала Наташа.— Маменька, разве вы не верите, что бог оставит вам его...

Все замолчали, так странны были от Наташи эти простые, наивные краткие слова.

— Петя, принеси воды шаман,— сказал старый граф. Петя встал, еще раз вспыхнув, и вместо того, чтобы идти за водой, он подошел к отцу и, сжав левый кулак, начал им махать еще прежде, чем говорить, и заговорил:

— От того, что он правду [говорит] пишет истинную... от того, что я принесу, может и всякий принести воды, а я вам хотел сказать, что, когда дело коснулось отечества, так я не хочу на печи лежать... а я пойду на войну — как вы хотите... потому что я не могу, когда сам государь всех призывает...².

Как ни долго и мучительно одиноко уже недели 2 передумывал эту речь маленький Ростов, она не произвела не только ожидаемого им, но никакого действия. [Сначала] На него оглянулись.

— Полно — перестаньте. Петя,— недовольно сказала графиня.

— Ну, ну, воиц,— шутливо сказал Илья Андреич.

Петя оглянулся за сочувствием на Наташу, которой он сообщил прежде свои планы и в сочувствии которой он был уверен, но и Наташа делала ему неодобрительные знаки, означавшие, что теперь ему лучше замолчать об этом.

— Коли так, и все против меня, я прямо один пойду к главнокомандующему и запишусь, вы не можете остановить меня, коли бы я шел на что-нибудь...

— Полно, Петя, не говори этого, всё можно сказать после,— сказала Наташа и вывела его.

В этот вечер Наташа долго тайно совещалась с Петей и тайно посылала записку к Pièrre'у.

¹ На полях: *Наташа хочет приподняться и не может, как птица. В Москве получен Манифест.*

² На полях: *Оболенскому 15 лет — поступил.*

«Chère et aimable comtesse,— отвечал Pierre,— quoique vos désirs soient des ordres pour moi³ и т. д.,— писал он на французском языке,— я бы не желал вмешиваться в ваши семейные дела и заслужить неудовольствие ваших родителей, которых я так люблю и уважаю, хотя желание [Пети] моего маленького тезки самое благородное и милое, которому я вполне сочувствую. Я буду к вам обедать, и всё переговорим». Это было в воскресенье. Наташа со времени своего говения, хотя и с некоторыми отступлениями, продолжала исполнять те христианские обязанности, в неисполнении которых она так раскаивалась: она ела постное, ходила к обедне и старалась исполнять все 10 заповедей, само собой, не раз отступала от них. Но одна только заповедь и заповедь, которая не была написана в числе 10, была всегда исполняема ею, и она ни разу не изменила ей. Это была заповедь [печали и отрешения] смирения и отрешения от земных радостей.

№ 35

Но жить надо было. И жизнь ее наполнили два чувства. Религия и возмущение против Наполеона, осмелившегося презирать Россию и державшего завоевать ее. Религия [охватив каждого человека] редко человеку открывается всеми своими сторонами. Для одного надежда будущей жизни, для другого самоотвержение, для 3-го мистическое объяснение всего, для 4-го смирение. Для Наташи она открылась стороной смирения, от которой так далеко она была в прежней жизни.

Обедня и церковная служба была одним из лучших ее наслаждений. Она любила слушать «Миром господу помолимся», думая, как и она соединяет себя в одно с миром кучеров и прачек, она любила видеть раскрытые парские двери, непонятные таинственные движения и непонятные слова. Ей радостно было именно то, что она не понимает и не может ни она, никто понять этого. [На последнее] Она пошла к обедне в это воскресенье. Перед Евангелием знакомый теперь ей священник вышел из алтаря с тетрадью и стал на колени. Все зашумели, становясь. [Наташа была особенно набожно раздражена этот день. Она плакала при простых словах ектеньи.] Наташа в белом платье слушала, как всегда, службу с нежной набожностью, но, кроме того, она уже чувствовала чувство жизни, которого прежде не испытывала¹. Каждое слово службы имело для нее живое сильное значение.

«Господи боже сил, боже спасения нашего»,— начал священник [трогательным] превосходный чтец, поправляясь на коленях, трогательным певучим голосом, тем, которым он читал молитвы в Троицын день. Это была молитва о спасении от врага. Когда читали об ужасах врагов, Наташа всей душой чувствовала их злобу и кротко ненавидела их. «Доколе грешницы восхвалятся?»— спрашивала Наташа с ужасом. Когда заговорили о кротости императора, она чувствовала всю свою кротость в душе императора. «И подаждь ему победу, яко Моисею на Амалике, Гedeону на Мадиама и Давиду на Голиафа». И эти переходы с вдруг «сохрани воинство его», то есть Nicolas и Андрея, трогали ее до глубины души. «И препояши на брань». Да, Пете надо идти.

«Сердце чисто созижди и обнови во...»

«Да, да,— говорила себе Наташа, вставая,— любовью соедини нас, да не вознесется жезл нечестивых на жребий освященных».

И, встав с колен, Наташа в первый раз сознала в себе новое чувство ненависти к врагу, оскорбленной гордости к французам [и любовь?] за своих, за русских, за дядюшку, за папешку, то чувство, которым она давно уже жила, сама не зная этого.

К обеду приехал Pierre. Наташа приготавливалась встретить его упреками за его равнодушие к судьбе Пети, к его французскому письму, [Наташа не говорила] но к удивлению своему она нашла его уже в том расположении духа, в котором она желала найти его. Было 11 число июля. Получено было известие о приезде государя в Москву, о занятии неприятелем Вильны, о взбунтовании Польши и разные, самые несправедливые слухи о громадных силах, об угрозах Наполеона². Pierre приехал растерянный и взволнованный. Он рассказывал слухи, сведения от графа Растопчина

³ Дорогая и любезная графиня, хотя ваши желания для меня приказы

¹ На полях: Михайловский — Данилевский 259. I т.

² На полях: Шампинион — шпион.

и говорил по-французски, не умея говорить так же хорошо по-русски. Наташа взволнованно смотрела на него молча и мало говорила. После обеда они [втроем] вчетвером с Петей и Соней сошлись вместе на столике, на котором Наташа щипала корпию: это было модное занятие, введенное при дворе Марии Федоровны.

— Eh bien, vous êtes mecontente de moi, mais j'ai été chez le comte³ Растопчин.

— Ах, зачем по-французски. Ну что? — спросил Петя.

Pierre улыбнулся.

— Ну, по-русски. Граф мне сказал, что он [берет] *поручается* заставить его вступить в *troupes de lignes*⁴ и [советует] дает мнение, что это предпочтительнее ополчения, puis que voyez vous⁵, — продолжал Pierre, не в силах ломать свой язык по-русски тогда, когда он говорил оживленно. Но Наташе вдруг сделалось страшно. «Боже мой, что ж я делаю, помогая этому ребенку идти на войну».

— Ты меня просил, Петя, написать графу, но теперь я ничего больше не делаю и даже, ежели ты хочешь слушать меня, — подожди.

— Вот, очень нужно... — Петя обиделся и ушел. Pierre остался один с Наташей и стал ей рассказывать, как он умел, смешные новости города, о прогнании французской труппы (*une victoire remportée par les russes*⁶), потом о том, как модные дамы учатся по-русски, и князь Борис Владимирович Голицын взял себе учителя. Наташа [слабо] улыбалась его шуткам, но оживлялась только тогда, когда он рассказывал ей о положении дел.

— Ну, а ежели [вы пойдете?]) Наполеон придет в Москву, что вы будете делать?

— Право, не знаю, — только верно, что не пойду на войну.

Pierre был друг дома Ростовых, ему ставили его любимое вино, и он любил всех, как семью, которая бы — он желал — была его. Он иногда думал о том, как бы он был счастлив, ежели бы его, шутника и кутил(у), старая графиня приласкала своей большой рукой по голове и сказала бы: «милый мой Петя».

12-го числа государь приехал в Москву. 13-го с раннего утра слышался благовест во всех церквях, и толпы праздничного народа [валили] шли по Поварской, мимо дома Ростовых, к Кремлю.

«Это всё — вздор», — подумал Петя, выбежав на улицу и узнав, что это бегут встречать государя. «То Наташа была за меня, а теперь и она отказалась. Этак дело протянется, а я им всем докажу, какой я буду герой. Всё пустяки они говорят. И этот толстый дурак сидит в Москве, и Наташа ему верит. Пойду к государю и прямо скажу ему, что я — Ростов, хочу служить отечеству. [Ну, удивится и сейчас меня в офицеры. Он может и в генералы.] Петя радостно улыбался, представляя себе государя. Он может сейчас в офицеры, может и в генералы. И Петя

№ 36

а. К вечеру вернулась повозочка, и стрельба затихла. Но ехать было невозможно, потому что лошади были замучены, но

б. К вечеру стрельба затихла. Повозка Алпатыча не возвращалась, и Алпатыч должен был ночевать 3-ю ночь

в. К вечеру стрельба затихла. Повозка вернулась в ночь, но Алпатыч не мог уехать. Всю короткую летнюю ночь он не ложился и сидел на завалинке, разговаривая с кухаркой и дворником, расспрашивая о том, что делалось [в городе] у проходивших войск и прислушиваясь к говору и звукам. В соседнем доме убирались и уезжали. Ферапонтовы тоже не ложились и к утру переговорили с соседями, тоже стали укладываться. Утром можно было ехать, но Алпатыч не уезжал. Им овладели тревога, беспокойство и потребность деятельности. Чуть зорька, он пошел к собору, там служили молебен. И лазили на колокольню смотреть французов. Они ясно видны были за Днепром. Они всё двигались и подходили. С утра началась канонада, всё

³ Ну, что же вы недовольны мною, но я был у графа

⁴ линейные войска

⁵ так как видите ли

⁶ одна победа, одержанная русскими

застилало дымом за Днепром, но в город [ничего] не попадали ядра. Вдруг в 3-м часу, как будто прорвало вдруг плотину, полетели ядра и гранаты в город, [свист и] зашвистели осколки и ядра. «Что же это будет»,— думал Алпатыч, ничего не понимая и взад-вперед ходя по городу. [К вечеру] В трех местах загорелось, войска наши всё шли через город. Раненых много было, и один мальчик в фабричном халате пробежал мимо него с окровавленной рукой. [Что] Какой-то ряд мыслей, совсем независимых от старого князя, овладел Алпатычем. Ему было тяжело, ему надо было что-то сделать, но он не знал что. Он крестился и ласково кланялся в пояс проходившим войскам и влезал на колокольню, ругая сколько мог французов, потом опять молился. Во время своих блужданий он сходил к раненому шедшему солдатом и провожал его назад, расспрашивая, то с своим кучером Влаской, которого он прибил утром, и с которым они теперь были друзья, то с бабой, продававшей квас солдатам, которая под ядрами сидела совсем спокойно, [как] и заботилась только, чтоб не разбили ее кувшина, то он провожал пленного и ругал его, идя сзади. В конце дня он встретился с знакомым [Красненским] городничим Тушиным с оторванной рукой. Тушин, так же как Алпатыч, нечаянно приехал в этот день и не мог уехать; он ходил под ядрами с своей трубкой и завидуя раненым; запах пороха возбуждал в нем [радостное] тревожное военное чувство, и он завидовал тем, которые дрались и, так же как Алпатыч, не мог уехать. Они подходили к перевязочному пункту в доме богатого купца, стараясь больше раздражить свое чувство, и ходили к Никольским воротам, к иконе, где женщины выли, и к монастырю, в котором укладывались монахини. Они видали воров, которые таскали вещи из домов, и пьяных солдат и фабричных. Наконец, смерклось. Канонада и стрельба затихла и пронеслась молва (справедливая), что французы разбиты и Наполеон убит.

Ферапонтов один с братом был дома, он поставил самовар, и Тушин с Алпатычем у открытого окна сели с (стаканами?). Кое-где горело, но нечего было смотреть, надо было отдохнуть. Напившись чаю и потолковав, Алпатыч опомнился и велел закладывать, но только-что он опять выехал из ворот, как войска запрудили всю дорогу. Войска шли поспешно, весело и говорливо, но шли назад. [Куда? Отступать... Куда] [Молва, что отступают, поразила всех]. Из одних ворот, с криком, теснясь, выли бабы. «Французы на мосту отступают»,— слышались голоса, и Алпатыч побежал опять, сам не зная куда. В Петербургском предместьи (ночь была месячная) стояли солдаты против генеральского дома и один [солдат] офицер раздувал полами костер, подложенный под вынутую доску забора. Забор занимался. Алпатыч набрал тесин и понес под другой угол дома, вся рота взялась за это дело¹.

— Так, дедушка, важно,— кричали голоса.— Вот как занялась, пошла драть.

Князь Андрей, отступавший позади своего полка, наехал на эту сцену. «Старик-то точно Алпатыч»,— подумал он². Адъютант доложил князю Андрею, что солдаты жгут.

— [Ну что ж,— сказал князь Андрей.]

— Я вас об этом не спрашиваю,— сказал князь Андрей. Алпатыч, удовольствовавшись видом падавшего забора, пошел к лошадям и там тоже горело, и толстый Ферапонтов кричал:

— Так — важно! Пропадай вся!

Алпатыч увязался за повозкой с снарядами и выбрался из города и в самое Преображенье к вечеру приехал в Лысые Горы.

№ 37

Князь, вышедший из комнат в 5-м часу, успел уже переделать много дел. Он был на фортификационных работах, где мужики копали ров, принял приезжавшего доктора и городничего [Тушина], и когда княжна Марья вышла в сад, он на кругу в тени смотрел свою милицию и раздавал всем ружья и копыя. Никто еще ничего не говорил

¹ На полях: *Князь Андрей в свете огня радостен.*

² На полях: *Бере приказывает остановиться. Пожар.— Прикажете,— говорит князь Андрей.— Я приказывал вчера ротному командиру отвести обоз, а он не ответил и его убили.— Князь Андрей отвернулся. Рухнула стена. Князь Андрей написал записку отцу с Алпатычем.*

про состояние князя, но все дворовые уже не так, как прежде, исполняли его приказания, вопросительно переглядываясь между собой. Показывая, как держать ружье, князь пошатнулся и упал. Когда княжна Марья вышла из дома, его навстречу ей вели под руки, а он [красный от волнения] кричал что-то.

— Эти ракальи не хотят! С ними ничего не будет, они первого вала не защитят. Расстреляю. Je me suis foulé le pied, se n'est rien ¹, — сказал он дочери, встретившей его, и замолк.

Когда его провели в кабинет, он посидел, закрыв глаза, и потом вдруг позвал Тихона, велел закладывать карету и [ехать] подавать себе одеваться мундир со всеми регалиями.

«Надо самому объяснить, ничего не будет». [«Нет, не надо сердиться. Надо быть спокойным»].

И, одеваясь, поддерживаемый двумя людьми, он беспрестанно останавливался, чтобы отдавать приказания о том, что делать в его отсутствие, как часовые должны скакать, донося дневальным, как надо стрелять во рву, как карета должна быть готова для Николушки и няни и другая для княжны Марьи. Его всё еще не смели не слушаться, и он был одет в напудренный парик и в мундире екатерининского времени. Уж он собирался выходить, когда ему принесли письмо от смоленского губернатора [и от князя Андрея]. Губернатор писал, что советует князю немедленно уезжать, так как войска наши отступают за Дорогобуж, и всё пространство до Лысых Гор будет открыто. Князь Андрей писал то же самое, умоляя отца ехать в Москву и прося ответа. Княжна Марья, вышедшая в это время к доктору, с которым она советовалась, как бы удержать князя от поездки и увести его в Москву, услышала падение чего-то в кабинете и громкий крик, как будто князь ругал кого-то. Когда она вошла, он сидел на кресле, рвал с себя парик, ордена (стол, уроненный, лежал подле) и кричал с страшно налившимся кровью лицом, с сухими запекшимися губами ²:

— Изменники! Прохвосты! Чтоб я уехал! Я не немец, заройте меня, тут заройте. Императрица, матушка! А? Внучек хорош! Вон, злодеи! Сына вам отдал, дочь! Для вас украсил, для вас. [Ну, выходи!] Я, старик [а еще постою]. Ну! [Он хотел вскочить, но вдруг почувствовал, что правая рука и нога его не двигаются. Он хотел говорить, и язык издавал какие-то неясные звуки. Он быстро успокоился и замолк] ³. Он хотел вскочить, но вдруг оборвался и, упав навзничь, захрипел. Его раздели, положили на кровать, пустили кровь: кровь не пошла. Он всё время неприятно улыбался, и так с этой улыбкой и остановились его глаза и вытянулись ноги. На другой день его повезли похоронить, и княжна Марья поехала с ним в Богучарово.

Было несколько человек чиновников и Тушин без руки, к которому потом княжна Марья естественно было обращаться за советом и помощью ⁴.

Приехав в Богучарово, княжна Марья нашла рыдающую Бурьен, но так рыдать нельзя постоянно. Амалия Федоровна с грустью спросила княжну Марью, что она намерена предпринять теперь.

— Я ничего не знаю, я, как во сне, — говорила княжна Марья.

— Ах, я очень-то понимаю, но дело в том, что мы в опасности. Я знаю, что французы со всех сторон и вот что.

Амалия Федоровна показала письмо, в котором французский полковник Fleury обещал жителям покровительство и защиту, ежели они останутся на своих местах, и обращался к своей compatriote ⁵, прося ее содействовать распространению этой повестки, за что она и жители получают награждение императора.

Княжна Марья дочла всё письмо, слезы еще стояли в ее глазах, но, окончив письмо и прочтя последние слова о награде императора ей, ей, на которой было теперь всё: и Коко, и гроб отца — она вдруг вскочила. [Отец]

¹ Я свихнул себе ногу, это ничего.

² На полях: *Князь умер, а болен, паралич.*

³ Этот вычеркнутый кусок также написан на полях (прим. составителя).

⁴ На полях: *Княжна Марья получила письмо от Жюли: мы не колебнулись. Княжна Марья пишет успокоительное письмо: «Voilà m-r Telianine...» («Вот г-н Телянин...»).*

⁵ соотечественнице

— Mon père avait raison⁶,— сказала она,— чтоб я отдала прах отца, Коко,— говорила,— раздражая себя. Она пошла к Тушину и сообщила ему всё. Был собран военный совет: Алпатыч, Дронушка и Тушин, и решено, что так же опасно [защищаться] уехать, как защищаться. Решено защищаться, созвана сходка, которая, по словам Бурьен, уже решила покориться Наполеону, и княжна провозгласила им свое решение умереть, дожидаясь помощи, но не сдаваться⁷. Тушин хотел поддержать это геройство, махнул своим остатком руки, говоря: за царя и отечество, но его слова не подействовали. На сходке сзади что-то говорили неясно. Мужики уже были готовы принять Наполеона, освобождавшего их и платившего по 10 рублей за воз хлеба фальшивыми ассигнациями. Но когда услышали слова княжны Марьи и Тушина, один поближе ловко и удобно сумел выразить, что они куда княжна, туда и они, и все заговорили то же и разошлись с мыслью, что они молодцы. Княжна Марья с Тушиным и главное Алпатычем занялись распоряжениями⁸.

№ 38

— Так как же?

— Не могу знать. Может, они, Яков Алпатыч, приведут, а наших никак невозможно.

— [Ну, так] Все-таки не опасно?

— Не могу знать.

— Так я на тебя надеюсь, ты скажи мужикам, что я их прошу о подводах.

— Слушаю-с.

Только что ушел Дрон, Дуняша подбежала к княжне.

— Этому мужику, магушка княжна, ничего не верьте, я его по глазам увидала, что он не то говорит.

— [Так что же делать? Где Алпатыч? Ах, боже мой,— говорила княжна.] Неправда, неправда, Дуняша. Еще Тихона позовите.

— Я Тихона позову, да он что. А вы будьте покойны, я хоть и девка, а все так обделаю, что всех обману,— сказала скороговоркой Дуняша.— Я их знаю. Мне кума говорила. От французов бумага была, чтоб ничего не вывозили. Коли не вывезут, так всем милость будет от французов, а вывезут, так разорят. Ды вы не робейте, княжна. Я их обману. Мы с Михайлом Ивановичем говорили.

— Дуняша, голубушка, я не боюсь. Я ни за что не останусь, ты мне хоть телегу найди, я поеду.

— И не нужно-с, и подводы возьмем. [Что они думают. Мы лысогорским дворовым ружья дадим.]

№ 39

Приехав в армию, Кутузов отправил в Петербург всех флигель-адъютантов и генерал-адъютантов без дела и объявил, что будет дано генеральное сражение. Приехав в армию, Кутузов вспомнил о князе Андрее и послал за ним. Князь Андрей командовал батальоном Перновского полка¹.

⁶ Мой отец был прав

⁷ На полях: *Nicolas Rostov* приходит и спасает ее, узнает Тушина.

Старик-отец успокаивается и умирает. Его гроб везут. Брат Алпатыча, Дрон, Анисим, мужик суровый — верный. Пешком пришел 50 верст.

⁸ На полях: *Историк Наполеона. Пленный казак. Алпатыч. <Казак?> Портрет le roi de Rome, приказ французский* (1 прзб).

Pierre ездит к главнокомандующему, ездит по бивакам, танцы. *<Hélène?>*.

Попадья, и *Pierre* спокоен.

Начало дела, линия огней и дурман, наступающий на него, и госка, что нечего делать. Андрей узнал его, он улетел с атакой, и Андрей усмехнулся.

Андрея ведут на Шевардино, он наслаждается, что он в рядах. Ну, теперь конец. А теперь-то и жалко.

— Бросьте ребята,— говорит, хотя знает, что не бросят.

Перевозочный пункт в лесу. *Il veulent encore, donnez leur ep.* (Они еще захотели, так задайте же им.)

Сморкается. Назначение Кутузова.

¹ На полях: Князь Андрей писал, чтобы сестра уехала в Москву и ничего не знала.

Князь Андрей приехал в Царево Займище в тот самый день, как Кутузов делал первый смотр войскам. Князь Андрей остановился в деревне у дома попа, у которого стоял экипаж главнокомандующего, и сел на завалинку, ожидая его. Вдали ему слышны были страшные крики всей армии, приветствовавшей Кутузова. Крики, уже нескладные, послышались, приближаясь. [Офицер] Это Кутузов отпустил войска, поблагодарил, обещал сражение и победу, и толпы офицеров бежали за ним и его свитой, крича «ура!» Князь Андрей и офицеры встали [чтоб] и посторонились. Поповский домик был на дворе. У ворот показалась белая донская лошадь на уздечке. На ней сидело огромное, расплывшееся тело Кутузова в мундирном сюртуке без эполета, в белой кирасирской фуражке без козырька, с красным околышем, и плетью через плечо по-казацки. Добрая лошадь тяжело шла под своей раскачивающейся ношей². Кутузов, с тех пор как не видал его князь Андрей, еще потолстел, обрюзг и оплыл жиром. Знакомый ему белый глаз и рана бросились ему в глаза.

У ворот дома он остановился, обернулся к провожавшим его генералам, поклонился, поговорил с Барклаем, сделал жест всем и повернул лошадь к крыльцу.

— Фю-фю-фю! — засвистал он чуть слышно, подъезжая к дому и выражая на своем лице [успокоение] радость успокоения человека, намеревающегося отдохнуть в простоте после представительства. Он вынул ноги из стремян и с трудом занес правую, 4 человека ссадили его. Он оправился, оглядываясь своим сощуренным глазом и шагая своей ныряющей походкой.

— Фю-фю-фю, — опять по-домашнему засвистал и, увидав князя Андрея, радостно обратился к нему.

— А, здравствуй, [брат] князь, здравствуй, голубчик, пойдем, устал. — Он вошел на крыльцо, расстегнул сюртук и сел на лавочку.

— Ну, что отец? Но в это время попадя, [красивая] полная, белая и красивая женщина, которая очевидно знала, что она красива, вышла из дверей и стала просить его светлость пожаловать в комнату. Кутузов оглянулся на попадю, глаза его прищурились еще больше, он отвернулся от князя Андрея и подманил попадю.

— [Ты попадя] [Ай да попадя] Где ж, где же комнаты? — А вы перешли? — Зачем, не надо переходить. Поди сюда³, и он ввел ее за собой.

Окончив аудиенцию попадю⁴ Кутузов позвал опять князя Андрея.

— Ну что, — сказал он ему. — Как это ты бросил службу. Поступай ко мне опять.

— Благодарю вас, ваша светлость, но я привык к полку и полюбил его.

— А, ну что же, ступай, помни, что я тебе отец другой. Прощай, голубчик, устал, — и он, подставив щеку, лег на постель, взяв книжку романа *m-me de Genlis*.

Как и отчего это случилось, князь Андрей не мог бы никак объяснить, но после этого странного свидания с Кутузовым он вернулся в свой полк, успокоенный насчет общего хода дел и насчет того, кому оно вверено было. Чем более он видел отсутствие всего человеческого в этом старике, в котором оставались одни привычки страстей, тем более он был спокоен, что этот-то и нужен. У него не будет ничего своего, и он не испортит общего дела. Он всё запомнит, выслушает, разочтет, будет бояться осрамиться и потерять командование, которое забавляет его, и сделает нечаянно всё, что нужно для общего дела. Он та тяжелая лошадь, избитая, старая, которая не побежит на колесе, не соскочит, не будет дергать и ломать, а пойдет ровно настолько, насколько падает колесо, что и нужно. На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было то единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало избранию Кутузова в главнокомандующие.

² На полях: *Суворовекая замашка. Молодчина, даром, что старик, — сказал офицер, дожидавшийся рядом с князем Андреем.*

³ Далее написано на полях, возможно, взамен оставшегося не зачеркнутым продолжения текста:

Он спросил ее о чем-то и опять обернулся к Андрею, который говорил, что он разлюбил служить при штабах и желает одной службы во фронте. Князь Андрей говорил очень умно. Но Кутузов, видимо, презирал этот его ум. Так же точно презирал, очевидно, Кутузов и ум немца, который пришел к нему с замечательным проектом. Но чем же он презирал его? Попадью, вероятно, потому что не дослушал немца.

Вставка потом зачеркнута (прим. составителя).

⁴ Так в автографе.

№ 40

(1 нрзб) день 25 прошел без одного выстрела с той и другой стороны. После сражения при Бородине Кутузов писал следующим образом¹ государю, что бог помог ему наголову разбить французов. И Наполеон, глава этих французов, писал, что бог помог ему наголову разбить русских. Да как же было не писать этого Кутузову, когда он, еще приехав к войску, обещал, что разобьет, Растропчину писал, что не пустит в Москву, и Вольцогену, который в конце сражения приехал объявить ему, что мы везде разбиты (что было правда), отвечал при всех (он думал, что надо так отвечать именно от того, что это было при всех), что я сам знаю подробности сражения, [и] французы везде разбиты и завтра мы их погоним дальше. Как же было не писать этого Наполеону, когда он обещал победу, давал rendez-vous² в Москве и бил в ладоши, кричал на своих кавалеристов: «ils y vont, ils y vont»³ и, когда русские стояли под (огнем?) его 400 орудий, говорил:

— Ah ils en veulent, donner leur-en⁴.

Из этого только следует, что слова ничего не значат и не служат выражением дела. Слова эти говорились так же неизбежно и произвольно, как они дышали или ели и спали. [Они говорили]. Вся кажущаяся странность состоит только в том, что мы хотим⁵ разумно объяснить то, что делается неразумно. Охотник всегда лжет, и военный человек всегда лжет, это так же неизбежно, как то, что у старого кавалериста кривые ноги. И для того к воле одного человека относили то, что зависело от воли бога. Волю бога, нам надо признаться, что мы не понимаем, а Кутузова и Наполеона мы называем гением и [стараемся «понять»] не только понимаем, но и обсуждаем. [Ну, что могли] Разве Кутузов и Наполеон выбрали место сражения и приказали убить 100 тысяч человек? (Во-первых, ежели бы один человек мог убить 100 тысяч по своей воле, то надо бы признать человека неразумным существом. Ни того, ни другого. И это прямо говорят историки, сами не замечая того, что, говоря это, они уничтожают весь смысл своей истории, объясняющей мировые события волей одного человека, которого для того, чтобы он играл эту роль, называют гением⁶. Точно как обвал горы объяснять тем, что одна крупинка земли отстала первая, и эту крупинку надо назвать гением и не нужно уже искать других причин. Те же историки — цвет историков, — собравши всё со всех источников, говорят, что Наполеон пошел дальше от Гжатска оттого, что было ясное утро, что он не знал, где давать сражение, и не послушался несомненно разумного совета, оттого, что не хотел так, что он во время сражения портил его ход, потому что медлил и то посылал дивизию Клапареда, то Фриана и не дал гвардию, и, пока ему доносили, на Шевардинском редуте дело уже изменялось. То же самое делал Кутузов. Отчего он выбрал худшую из прежних, Бородинскую, позицию, отчего не усилил центр, что ему советовали, отчего поставил 3 линии под огонь неприятеля, отчего, сидя в Горках, получал известия о ходе сражения тогда, когда оно уже изменялось, и посылал войска за одним, а они делали другое? Ежели бы на месте Кутузова и Наполеона были бы вы и я, было бы совершенно то же самое. Убито и ранено 50⁷ тысяч человек русских и 30 тысяч французов, и всё это произошло оттого, что Наполеон и Кутузов так и так распорядились. Это бессмысленно. Убито 90 тысяч человек и при этом г-н Бонапарт и г-н Кутузов [делали] говорили такие-то и такие-то слова, это верно. Понятно, что тот, кто сражается, думает, что вот я завоюю этого, получу чин, удивлю всех, покажу свое геройство и за тем сражаюсь. Это понятно. Но когда дело кончено, и мы спокойно судим, непонятно, чтобы мы судили, как это всегда делают историки, стараясь натянуть истину с целью доказать, что мы победили больше людей, мы русские. Нет, хоть тысяч на 5, но мы победили больше людей, говорят французы. Вот единственные книги, написанные в этом тоне, все истории, которых я бы жег и казнил

¹ Далее в автографе повторено: писал (прим. составителя).

² свидание

³ напирают, напирают

⁴ А, им хочется, ну и задайте им.

⁵ Так в автографе.

⁶ На полях: Наполеон посылает Жюно, а потом Фриана, делает две диспозиции, и все ошибочны, стрелять нельзя. Кутузов посылает то Евгения Вюртембергского, то Догтурова, то Толя.

⁷ В автографе 50 написано поверх 90 (прим. составителя).

авторов. Драться, я понимаю, и кулаками, и на дуэли, и на войне, а никто не может сказать про себя — я не буду драться, но в тиши кабинета целью умственной работы сделать оправдание драки и с завистью думать о том, и лгать, что мы, нет, мы больше убили людей, это было бы необъяснимо, ежели бы не знать, что на 10 тысяч людей бывает один думающий, а 9999 только повторяют то, что думают другие. Мало того, такие писания называются патриотическими и писатель самым благородным. На Бородинском поле совершилось страшное убийство, причины которого лежат в свойствах боевого устройства человека.

№ 41

24 августа 1812 года [было дело] [в 3 часа было слышно] вечером узналось в Москве¹, что французы в 60 верстах [от Москвы] по Смоленской дороге и сражаются с русскими. В Москве уже всё волновалось. Каждый день выходили растопчинские афишки, [французы], иностранцы все были высланы, скоро должен был быть готов шар, который полетит в лагерь французов, и многие уезжали по направлению к Нижнему и Тамбову. Из Москвы вывозили и присутственные места и пушки. [22 августа Риегг^у принесли афишку. «Здесь». Каждый день разносили Растопчинские афишки; в одной писалось «Здесь мне от государя поручено сделать большой шар, на котором 50 человек полетят, куда захотят и по ветру и против ветру, и, что от него будет, узнаете и порадуетесь...» и т. д. В другой писалось: «... [у меня] а я теперь здоров, у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба...» Риегге, прочтя это, болезненно улыбнулся, как он улыбался, когда добрый человек от всей души рассказывал глупый, несмешной анекдот. Это действие производили на него все афишки графа. Он ничего не говорил и не думал даже ясно, но чувствовал, что это что-то не то². [24 утром Риегге прочел следующую афишку: «А... а я теперь здоров, у меня болел глаз, а теперь смотрю в оба»] [Риегг^у было ужасно стыдно, когда он прочел это. «Он не узнавал приятного, живого Растопчина в этих афишках»] [Безуховский полк] Риегге, испытывая неопределенное и радостное беспокойство, был в Москве, с утра и до вечера проводя вне дома и прислушиваясь ко всем слухам. Собрание и обмундирование Безуховского полка было поручено главному управляющему, и дело подвигалось. Риегге уж и не мешался в него — он знал, что во всяком практическом деле он только напутает. Он говорил только управляющему: «Ничего не жалейте. [Ну, что за дело что заложить, что продать — делайте.] Риегге знал только одно, что пришло время, когда хорошо стало таким людям, как он, [он испытывал постоянно счастливое чувство человека] [которым было всё ни о чем] которые рады тому, что так или иначе, но расстроивается скучный порядок жизни. Риегге смотрел на ужас, отчаяние аккуратных почтенных людей — всегда тайных врагов его, и радовался: «А мне-то то и хорошо, что пришло время показать, что *все это* — вздор. [24-го он] От этого приятного чувства он был [даже] беспокоен, ему всё хотелось еще [ухнуть] что-нибудь отдать и как-нибудь сделать себе похуже и совсем изменить свою жизнь. Он не засиживался дома и, как вставал, ходил по городу и знакомым. Все говорили по-русски.

— Вы слышали, мы не колебнулись,— говорила ему Жюли Друбецкая, щипля корпию.

— Это подобной древней Риму геройства,— сказал ему А. Б. Голицын.

Ростовы были такие же, как все, старались говорить по-русски, любовались афишами, щипали корпию. Худая Наташа с блестящими глазами присаживалась, слушала и ничего не говорила. Старая графиня заботилась о богатстве дома, составлявшем одну надежду поправления дел, и бранила Разумовского за то, что он теперь отделивался от покупки. Они ждали подвоз из деревни для вывоза всего из дома и экипажей, чтобы ехать в Тамбов. 24 числа Риегге был у них и сказал, что он едет в армию. Когда он сказал это, Наташа изменилась и не спускала с него глаз [и проводила его до передней].

В этот же день, проезжая по площади, он увидел толпу у лобного места и, остановившись, увидел, как сводили с кобылы человека толстого, в синих чулках и зе-

¹ На полях: *Общая характеристика Москвы. Казнь (повара).*

² На полях: *Бантыш-Каменский, ч. 3, стр. 138.*

леном камзоле, который имел не русский вид. Это был французский повар. Другой [стоял] преступник, худенький и бледный, стоял тут же.

— То-то теперь запел: «патушка, переяславные, ни пуду, ни пуду», — шутил один фабричный. [Риегге, когда он сошел с дрожek и, сам не зная зачем, пошел, толкаясь, в толпу] — Что, мусью, видно, русский соус кисел, француз набил оскомину. Риегге треснул изо всех, всех сил фабричного по затылку и, повернувшись, пошел назад к дрожкам и поехал дальше. [В ночь на 25] С вечера еще он отдал приказание своему всезнающему, всемогущему, умнейшему и известному всей Москве дворецкому Евстратовичу о том, что он в ночь поедет в Татаринову к войску, и дворецкий всё вспомнил и обо всем распорядился. Он старого <безуховского?> берейтора послал с подводами и лошадьми верховыми вперед, а графу была готова коляска и выслана подставка. Риегге к утру 25 выехал и приехал к вечеру к войскам. Лошади его ждали в Князькове. Князьково было полно войсками и до половины разрушено. У <разломанных> ворот стояли его подводы с кучером, берейтором и верховыми лошадьми. Он было проехал их, но берейтор с криком бежал сзади, и Риегге обрадовался, увидав свои, знакомые лица после бесчисленного количества чужих солдатских лиц, которые он только и видал дорогой.

Для того, чтобы иметь менее обращающий на себя общее внимание вид, Риегге намерен был в Князькове переодеться в мундир своего полка, но когда он подъехал к своим (и переодеться надо было тут, на воздухе, на глазах солдат и офицеров, удивленно смотревших на него), он раздумал. Притом неловко и глупо одеться в свой мундир, как будто напоминая о своем полке и вызывая на вопросы. «Нет, нечего делать, так поеду». Он отказался от чая, который приготовил ему берейтор и на который завистливо смотрели офицеры. [Надо] Им верно хотелось, «но как предложить им. Делать нечего. Нелзя». Берейтор подвел³ двух лошадей. Одну рыжую, английскую, другую — вороного жеребца. [Риегге ездил давно верхом, еще когда он был женихом] [он ехал с намерением подвергаться всем опасностям генерального сражения]. Он улыбнулся и спросил, какая помирнее. Берейтор задумался. — Эта мягче. — Риегге [взял за гриву] с такой энергией и усилием, как будто он ни за что в мире не выпустит, [никому] схватился за гриву. И влез, желая поправить очки и не в силах отнять руки от седла и поводьев. Берейтор неодобрительно посмотрел на наивно вывернутые ноги своего графа и на напряженность корпуса, сел и хотел поехать за Риегг'ом.

— Нет, не надо, — прошепел Риегге. Во-первых, ему не хотелось иметь сзади себя этот укоризненный взгляд на свою посадку, а во 2-х, не подвергать его тем опасностям, которым он твердо был намерен подвергать себя. Риегге пустил свою лошадь — что будет, то будет — и, удержавшись на седле, остановился и успокоился⁴. Риегге [с той <методичностью>], верный попыткам методичности, которые были в нем, вероятно потому, что в характере его всё было враждебно всякой методичности, сделал себе план и маршрут, куда и куда он должен ехать. [Во-первых, в главный] 1) В главный штаб, 2) по войскам и позициям, 3) ночевать в Перновский полк к князю Андрею⁵. Риегг'у многое было интересно в этом предстоящем сражении, как всегда и вечно было одним из самых интересных явлений жизни для мыслящего человека явление войны. Люди чужие убивают друг друга. Во-первых, как управляются все эти массы и подчиняются одной воле? (Риегге был когда-то охотник до стратегических соображений, и тактическая сторона дела интересовала его⁶). 2) Каким духом руководятся все эти массы? 3) и самый главный вопрос для невоенного, что был бы я трус или нет?⁷

³ В автографе подвел написано по слову привел (прим. составителя).

⁴ На полях: Кутузов всхлипывает, говоря с войском.

⁵ На полях: Шуберт, разгоряченный спором, скачет в атаку, он храбр против пехоты и храбр против французов. Кутузов под Аустерлицем в горячности — канальей бранится.

⁶ На полях: Hélène читает много книг и Corinne.

⁷ На полях: Главная квартира — изба в три окна. Обед у Бенгисена. Икона. Кутузов. *Votre charmante femme* (Ваша очаровательная жена). Едет к Тучкову. — Ах, это очень интересно и ничего не видит. <Приказание> о <перевязочном> <пункте> и лекаре. К князю Андрею. Он (дремлет) у костра. Поезжай к <Бенгисену?>, у Кутузова ничего не увидишь. Офицеры. Тимохин. Солдаты продрогшие. Философия Андрея с Риегг'ом.

Прежде всего Риегге направился в деревню Татаринову, где стоял Кутузов с славной квартирой. Как только Риегге выехал один верхом между войск с мыслью о том, что теперь ему уже нельзя отказаться, и о том, что каждую минуту может ожидать его, ему стало страшно за свое толстое, белое, нежное тело, и, чтобы поддержать в себе мужество, он живо вспомнил то чувство патриотического воодушевления, в котором он находился в дворянском собрании, и под влиянием этого чувства⁸ почувствовал удовольствие в мысли показать, что всё — не только богатство, но и самая жизнь — вздор, в сравнении с чем-то. С чем? — он не знал. Ни в войсках, которые проезжал Риегге, ни еще менее в Татариновой, где сосредоточивалось всё высшее и блестящее сословие армии, он не нашел этого настроения.

По дороге он был, не доезжая Татариновой, в Бородине, которое было всё [обвалено] загромождено воявшими и работавшими ополченцами, он был остановлен толпою народа, впереди которой шли с пением попы. «О ду-ша-ах на-ших», — пели священники и сзади солдат несли икону. Риегге, сняв шляпу, остановился. Бывшие подле него рабочие [(бросили)] весело бросили лопаты и побежали, крестясь, к шествию. Им, видно, весело было прервать тяжелую работу. Солдаты также подходили навстречу толпам и, сняв кивера, набожно крестились. Но Риегг⁹ очевидно было, что набожность солдат [не имела ничего общего с иконою], с которой они встречали икону Смоленской божьей матери, которую носили перед сражением по полкам, не имела ничего общего с предстоящим сражением и патриотическим духом. Солдаты отходили, и ополченцы брались опять за лопаты в совершенно в том же расположении духа, в котором они оставили их. [Первое лицо] [В улице] [Деревня Татариново]

№ 42

Одна большая изба в три окна была занята Кутузовым. Рядом на плетне была прибита доска: «Канцелярия главного штаба». Напротив, с фургонами у подъезда, была изба, в которой жил Бенигсен. У Риегг⁹а было много знакомых, но он не подумал о том, к кому обратиться с тем, чтобы ему позволено было волонтером принять участие в предстоящем сражении. (Риегге думал, что это необходимо.) Перед самой деревней Риегг⁹а обогнал знакомый ему Кутайсов. Он верхом возвращался откуда-то с двумя офицерами. Кутайсов [ласково] дружески обратился к Риегг⁹у, не в силах удержать насмешливые взгляды, которые обегали всю фигуру Риегг⁹а, и улыбнулся на вопрос Риегг⁹а о том, как ему просить главнокомандующего о разрешении участвовать в сражении.

— Поедьте со мной, граф, [Светлейший] князь (Кутузов), верно, в саду под яблоней. Я вас проведу к нему. Ну, что Москва? Волнуется? И не дождавшись ответа, Кутайсов подъехал к навстречу ехавшим генералам на дрожках, и по-французски что-то горячо поговорил с ними. *La position ets inetenable... Il faut être fou*¹, — [говорил] слышал Риегге.

— Кто это? — спросил Риегге. — Это [Бенигсен] принц Евгений, едет на левый фланг осматривать позицию, — которая невозможна. Хотят, артиллерия чтоб действовала из-под горы... Ну, да вам неинтересно...

— Ах, напротив... мне бы хотелось видеть позицию и расположение войска...

— Ну, так поедемте, я вас сейчас проведу к Светлейшему и поедемте опять на левый фланг, к Тучкову. Только я пообедаю. Меня звал Бенигсен. Они подъехали к плетню, на котором была вывеска. Кутайсов слез с лошади и приказал казаку взять лошадь Риегг⁹а и показал, куда идти и где найти свою лошадь, особенно заботливо, как ребенка.

В сарае на соломе спал один офицер, накрывшись рубашкой от мух; другой у дверей на козлах писал с двумя писарями.

— Светлейший в саду? — спросил Кутайсов.

— В саду, ваше сиятельство.

И Кутайсов через сарай прошел в яблочный [сад] мужицкий сад с теми перегибами тени и света, которые бывают только в густых яблочных садах. В саду было

⁸ В автографе: *это чувство* (прим. составителя).

¹ Позиция ненадежна... Надо быть сумасшедшим.

прохладно, и вдалеке виднелись раскинутые палатки, ковер и воротники мундиров и эполеты. Яблоки еще оставались на деревьях, и у плетня мальчишка босиком влез на дерево и тряс. Девчонка подбирала внизу. Они испуганно замерли, увидав Pierr'a. Им казалось, что цель всех людей, а потому и этих, состояла в том, чтоб помешать им красть яблоки.

Кутайсов прошел вперед, мелькая между деревьями, к блестящему коври и эполетам. Pierr'e, не желая развлекать главнокомандующего, остался сзади.

— Ну, хорошо, поезжай сам, да пошли его ко мне,— послышался ему голос Кутузова и потом хохот его. Кутузов встал и пошел к избе [«осторожно?»] переваливающейся, ныряющей походкой, руки назад. Pierr'e подошел к нему. Но еще прежде главнокомандующий остановился перед ополченным офицером, знакомым Pierr'у. Это был Долохов. Долохов говорил что-то горячо Кутузову, который через голову его кивнул Pierr'у. Pierr'e подошел. Долохов говорил:

— Все сражения наши были проиграны от слабости левых флангов. Я осмотрел нашу позицию, и наш левый фланг слаб. Я решил, что ваша светлость может прогнать меня или сказать, что вам известно то, что я докладываю, и тогда у меня ничего не будет.

— Так, так.

А ежели я прав, то я принесу пользу отечеству, для которого я готов умереть.

— Так, так.

— И ежели вашей светлости нужно человека, который бы пошел в неприятельскую армию убить Бонапарта, то я готов быть таким.

— Так, так...— сказал Кутузов, смеющимися сужившимися глазами глядя на Pierr'a. И тут же обратился к Толю, шедшему за ним.— Сейчас иду,— не разорваться мне... Хорошо, голубчик, благодарю тебя,— обратился он к Долохову, отпуская его. И к Pierr'у:

— Хотите пороху понюхать? Да, приятный запах. Имею честь быть обожателем вашей супруги. Здорова она? Мой привал к вашим услугам,— и Кутузов прошел в избу.

В штабе у Pierr'a не только много было знакомых, но все были знакомые.

У Бенигсена был в саду обед в палатке², приготовленный отличным поваром, с отличными винами. Хотя Pierr'e и не был знаком с ним, Кутайсов повел его к нему.

— Он очень рад будет. Все у него обедают.

[А после] Pierr'e хотел сейчас ехать осматривать позицию, но Кутайсов отговорил:

— Лучше поезжайте после обеда с Бенигсеном, он едет. По всей позиции проедет.

— Ах, да. Это очень интересно.

Действительно, после обеда он сел на дрожки с адъютантом Тучковым и поехал.

№ 43

— Я говорил себе всё, чтобы доказать, что я не имею этого права. Но я не могу. И зачем мне ее видеть. Вон Тимохин идет, и он не желает этого. Ему всё равно, и Павлу всё равно. Эй, Павел, давай самовар и попроси господ, кто хочет чаю. Это кто?

Это был Pierr'e, который, разминая ноги, в своей пуховой шляпе, входил в сарай князя Андрея и ударился головой о жердь, остававшуюся сверх ворот.

Последнее свидание их было в Москве, когда Андрей получил письмо Ростовой.

— А, que diable...— сказал Pierr'e, потирая себе лоб.— Eh bien, mon cher, voila, où nous en sommes, Napoléon à 60 verst de Moscou¹.

— Ты зачем здесь?— спросил Андрей,— не потому, чтобы я не был рад тебя видеть. Напротив, я очень, очень рад нынче тебя видеть. [Милая рожа,— говорил он, целуя его.] Ах ты, милая рожа,— и князь Андрей, сделав свое детское лицо, обнял его.

— Mon cher, полк мой еще не готов, как я ни старался, и не мог быть употреблен. Что же мне делать?

² На полях: Бенигсен разговаривает о фланге. И готовится к отсылке курьером к царю. Это вопрос жизни и смерти. Видно, что он напряжен и дрожит, как дрожит (человек) перед решением участи.

¹ какого чёрта... Ну, милый мой, вот до чего мы дошли. Наполеон в 60 верстах от Москвы.

— Да, да, а братья масоны что говорят о войне? Как предотвратить ее? — сказал Андрей, улыбаясь. — Да, да... Что мой? Приехали ли, наконец, в Москву? — спросил князь Андрей.

— Не знаю. — Риегге уселся на ковер и кивал дружески головой дядьке Сидору, вошедшему с самоваром. Жюли Друбецкая говорила, что она получила письмо из Смоленской губернии.

— Не понимаю, что делают. Не понимаю. Как оставаться там, где всякую минуту могут захватить французы. — Войдите, — обратился он к офицерам, которые, увидав гостя, замялись у входа в сарай. Впереди офицеров был Тимохин с красным носом, тот же Тимохин, так же как и в 1805 году ротный командир и робкий, запуганный. Офицеры уселись, и [и князь Андрей] завязался разговор более общий, и князь Андрей старательно всякий раз переводил французские слова, по привычке говоренные Риегг'ом, и сам говорил только по-русски. На вопрос Андрея, где был Риегге и что видел, Безухий рассказал свое посещение главной квартиры, объезд позиции и столкновение на левом фланге, которого он был свидетелем.

— Я не мог понять хорошенько только одного, — сказал Риегге, — отчего выгоднее было [подвинуть вперед]² то, где наш центр, где левый и правый фланг? Ежели он атакует нас в Бородине, то это так, но ежели он атакует нас на правом фланге, то то, что [сделалось] было левым флангом, и делается центром.

Князь Андрей улыбался, слушая Риегг'а.

— Ты выучил уже, однако, эти слова: центр и фланг, — сказал он. — А ты не поверишь, какие ты истины говоришь, однако...

— [Я не понимаю] То есть как? — сказал Риегге с недоумением, через очки глядя на Андрея.

— То, что ты не понимаешь, никто не понимает. Но ты говоришь истину, потому что ты не понимаешь и так и говоришь. Всё это не имеет никакого смысла.

№ 44

а. Дело началось канонадой против флешей Багратиона и потом атакой на них. К ним-то и ехал Риегге, с страхом чувствуя, что беспокойство [и торопливость] всё больше и больше овладевает им.

Всё у него перед глазами слилось в туман дыма и пальбы, на которых он редко натывался на оазисы человеческих лиц, и все эти лица носили один и тот же отпечаток страха. Несколько раз он натывался на войска и думал: «Уж не неприятель ли это?» — и потом стыдил себя, так что, когда он, торопясь всё поскорее, действительно насканивал на неприятеля, он думал, что это свои, и вскакал бы в ряды их, ежели бы кто-то не закричал ему: — «Куды?» — Какой-то пехотный офицер с подвизанной щекой указал ему назади, недалеко Багратиона, и Риегге поскакал туда. Он испытал утешение путника, после дождя попавшего под крышу, когда почувствовал себя в кругу знакомых лиц, но успокоение это продолжалось одну минуту. Багратион тронул вперед. Кажется, под горкой были очень близко французы, но Риегге не решился спросить. Он боялся, что этого не надо делать. И вдруг все заговорили и пули засвистели со всех сторон, и на него напел ужас.

б. Дело началось канонадой против флешей Багратиона и потом атакой на них. К ним-то и ехал Риегге, с страхом чувствуя, что беспокойство [и торопливость] всё больше и больше овладевает им¹. Всё у него перед глазами слилось в туман дыма и пальбы, на которых он редко натывался на оазисы человеческих лиц, и все эти лица носили один и тот же отпечаток озабоченности, и недовольства, и упрека в том, что заехал сюда без дела этот толстый человек в белой шляпе. Риегге ехал

² Далее край листа оторван и одно слово утрачено (прим. составителя).

¹ На полях: *Pierre удивляет всех своей храбростью. «Куда же вы едете?» — говорил ему адъютант. — А он едет под страшным огнем наперерез. В нем — кровь отца.*